

ЛЮЦИЯ ПОУРИ

ЕВА УЙТ

Мертвые легенды

Ева Уайт

Ожившие легенды

<https://litres.ru/74233314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — новенькая в элитной академии, которую выбрали за неё. Он — тот, кого лучше обходить стороной. Их общение — это сарказм, колкости и искреннее желание уничтожить друг друга. Но в городе, где спящий вулкан хранит древние секреты, а лес шепчет о странных вещах, ненависть иногда оказывается обратной стороной того, что боишься признать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	58
Глава 5	72
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ева Уайт

Ожившие легенды

Пролог

В начале не было ничего, кроме Хаоса - бездны, где ни свет, ни тьма не имели названия, где ни время, ни пространство не держали форму. Хаос дышал, и из его дыхания родились первые Боги - Гея и Уран.

Но истинная магия произошла не от Богов. То была искра из глаз Хаоса, когда он впервые узрел себя. Та искра упала в расщелину между мирами и раскололась на четыре части: Огонь, Воду, Воздух и Землю. И каждая из этих частей нашла себе жилище: Огонь - в сердце Гефеста, Вода - в глубинах души Посейдона, Земля - в теле Геи, Воздух - в дыхании Ауры. Так магия стала стихией, и пока она текла по пространству - Боги творили, титаны правили, а люди приносили молитвы.

В день, когда Боги низвергли титанов в Тартар, Гефест выковал из обломков молний Зевса первый Эфир - камень, способный соединять и усиливать все четыре стихии. Но камень был не совершенным - он треснул при первом ударе молота, и из трещины вырвался стон, который услышали Мойры - Богини судьбы.

Клото, прядущая нити жизни - замерла. Лахесис, отмеряющая срок - выронила веретено. Атропос, неумолимая - закрыла глаза и произнесла:

Слушайте, Боги, ибо это необратимо:

Магия, что родилась из Хаоса, вернется в Хаос.

Четыре стихии сольются в одну,

И ни титанам, ни смертным не дано разорвать их узы.

Дитя истинных стихий, рожденное по зову крови,

Не будет ни Богом, ни смертным.

Он станет мостом между мирами,

И мостом, ведущим к их гибели.

Ибо когда дитя познает любовь, оно засияет ярче всех солнц,

Но когда дитя познает боль - привычный мир погаснет

И всякая магия погаснет вместе с ним.

Хаос поглотит то, что было его искрой.

И мир останется без колдовства, без пророчеств, без чудес

-

Только смертные и их рукотворные чудеса.

Так было в начале, так будет и в конце.

Гефест разбил камень Эфира на тысячу осколков и рассыпал их по земле, чтобы уничтожить пророчество, на что Мойры лишь усмехнулись: "От судьбы не уйдешь".

Спустя тысячелетия предсказанное было забыто. Наследники стихий рождались и умирали, иногда не подозревая о своих способностях. Но когда истинные стихии наконец про-

будились, осколки искр Хаоса вновь затрепетали. Очнулись титаны, заточенные в Тартаре. Они вспомнили, что магия - это их кровь, и захотели вернуть ее обратно. Началась Великая Война - горы рушились, моря выходили из берегов, вулканы оживали, небо пылало, а ветра становились копьями.

Боги сражались на стороне людей, ибо осознали - что если титаны поглотят магию - Олимп падет.

Когда предсказанное дитя родится, пророчество войдет в последнюю фазу. Однако ребенок не будет оружием, он запечатает магию внутри себя.

В день, когда последняя искра магии погаснет, Хаос проснется. Ни в гневе, ни в радости - он просто вспомнит, что когда-то подарил искру, и теперь должен забрать ее осколки обратно. Мир станет обычным - останутся только люди, их любовь, их ненависть, их пороки и их деяния. Боги удалятся в недостижимые чертоги, где нет ни времени, ни пространства. А о магии будет напоминать лишь сон, в котором можно летать, старые легенды, в которых лишь малая часть истины, и узоры на камнях, которые помнят все. Мойры разорвут свои нити и уснут, ибо когда нет судьбы, сотканной из магии, нет и нужды в пряжах.

- Мамочка, мне приснился плохой сон! - детское хныканье заполняло пространство родительской спальни.

- Милая, что стряслось? - мгновенно отреагировала мать на плач.

- Мне приснилось, как девочка поднялась в воздухе, растопырила руки - и все пропало. И я не могла ей помочь... - слезы катились по пухлой детской щечке, но девочка уверенно передавала картинку. - А еще там все горело, было много людей, все кричали, плакали... И кто-то постоянно шептал...

- Кто шептал? - уточнила мать аккуратно.

- Я не знаю! Но я слышала этот шепот снова и снова. Он говорил мне убить! - девочка разрыдалась.

- Убить? Но кого, детка? - женщина уже не верила, что это обычный кошмар, навеянный детской впечатлительностью.

- Он приказывал мне убить, иначе вся магия исчезнет...

Мать не сомкнула глаз в ту ночь. Если ребенка она смогла успокоить, то сама не на шутку испугалась. В их семье была легенда, которая передавалась из уст в уста, однако женщина с малых лет была уверена, что это всего лишь семейная сказка, которая не имеет под собой никакой почвы. Но этой ночью, кажется, легенды начали оживать...

Глава 1

- Как здесь здорово, правда? - воскликнул отец уже в десятый раз, пока мы едем по шоссе.

Я не разделяю его энтузиазма. Переезды из года в год все меньше меня впечатляют. Но теперь все иначе - мы возвращаемся в город, где я родилась и который совсем не помню.

Картинка за окном мне казалась до ужаса типичной - пышный зеленый лес, в проплешинах которого иногда виднелась бескрайняя водная гладь, кое-где узкая дорога со спусками и крутыми подъемами в местах, где скалы подступали ближе к дороге, и мрачная погода. Настолько, что аж мурашки по коже. Я глубоко вздохнула и сильнее вцепилась в книгу, пытаюсь сосредоточиться на тексте - глаза блуждали по одной и той же строчке уже в который раз, но я так и не могла уловить смысл написанного.

- Ну сколько можно дуться, Кора! Ты скоро продырявишь книжку взглядом. - сухо заметил папа.

Я перевела взгляд на стекло. Странно, что наша машина, доверху набитая коробками и отмотавшая, возможно, миллиардную милю по просторам страны, все еще мягко урчала, поднимаясь в очередную гору, не оказывая никакого сопротивления. Она словно приняла факт нашего с отцом положения и смиренно выполняла то, что от нее требуют. Возможно, этого же и хотели от меня. Но капля конденсата, медлен-

но сползая по стеклу, словно слеза, напоминаящая о том, что "здорово" уже ничего не будет.

Папа громко вздохнул с таким видом, будто я привела домой парня. Хотя у меня и подруг-то нет, я просто не успеваю ими обзавестись. Мне осталось терпеть еще всего лишь год, потом я уеду в колледж и буду жить более-менее стабильной жизнью без переездов и прочей ерунды. Хотя папа и обещал, что этот раз "уж точно последний", но мне эта фраза знакома с самого раннего детства.

Отец сбросил скорость, колеса мягко зашуршали по гравию. Через секунду папа объявил:

- Мы приехали! Это наш новый старый дом. Боже, как же я по нему скучал!

Среди густо высаженных деревьев расположился огромный особняк с белыми стенами и высокими колоннами на входе. Он таращился на меня своими гигантскими окнами с такой тоской, что у меня защемило в груди.

- Какой огромный! - невольно вырвалось у меня.

- Это семейный особняк, дочь. Тебе понравится. - бодро отозвался отец, обрадовавшись тому, что я снова заговорила.

"Тебе понравится". "Клянусь, это в последний раз". "Так нужно". "Поверь, так будет лучше для всех". Все эти обещания я выучила, но не знала, какой смысл они в себе несут. Мне нигде не нравилось, мы постоянно переезжали и лучше не стало - мама нас бросила, не выдержав очередного переезда. Спустя полгода после ее ухода папа объявил мне о пе-

реезде в Эмбервейл - городок в глуши с населением в десять тысяч человек. После солнечной Калифорнии и многолюдных городов захолустье вроде Эмбервейла мне не улыбалось. Но, выбора у меня не было. По окончании моего бунта, продолжившегося неделю, я приняла поражение и начала собирать вещи. И теперь до спектакля оставалось 3,2,1...

- Добрый день, миссис Берн! - с улыбкой, больше похожей на оскал, выпалила я, выбираясь из машины.

На фоне этого огромного особняка Моника Берн смотрелась органично. Передо мной стояла женщина в роскошном черном платье, выгодно подчеркивающим все достоинства ее фигуры. Густые волосы огненного цвета идеальными локонами падали на плечи, а янтарные глаза светились жизненной энергией, которой сейчас мне не хватало. Миссис Берн сияла так, что даже если бы здесь были тысячи людей вокруг, все внимание этого мира досталось бы этой яркой женщине.

- Привет, Корал! Как добрались? - подруга отца бросилась ко мне навстречу, но я вовремя схватила коробку с заднего сидения, чтобы избежать ненужного физического контакта.

- Э-э-э-м... Да как обычно. - безучастно ответила я.

- Я так рада тебя снова видеть! Помню тебя еще совсем крошкой, а теперь... Боже - посмотрите, какая красавица! Демиан, тяжело тебе приходится с такой красивой дочерью. Наверно столько парней с разбитыми сердцами позади!

- Если бы хоть один приблизился к Коре, у него было бы разбито не только сердце. Привет, Мо. Рад встрече. - про-

ворчал отец, помогая мне не завалиться с коробкой прям на гравий.

- Кстати, у меня отличные новости! - воскликнула миссис Берн, доставая конверт из сумочки.

- Шутишь? - оживился папа.

- Не скрою, было сложно, но...

- А о чем речь? - вклинилась я.

- Кора, тебя зачислили в школу! - едва не подпрыгивая на месте, завопила миссис Берн.

- Пайнвью Хай согласились принять меня? Но откуда вы...

- удивилась я.

- Нет, детка. Тебя приняли в Квартекс!

- Это шутка? - я перевела взгляд на отца, - Папа, не нужно. Я отправляла документы в Пайнвью, там есть факультативы, и...

- Нет, Кора. Это не обсуждается, ты идешь в Квартекс! Наша семья поколениями заканчивала эту академию, и, поверь, там есть все, что тебе нужно, и даже больше. Это лучшая школа в радиусе тысячи миль! - папа ринулся к подруге, чтобы взять у нее конверт.

- Это слишком дорого! Я пойду в Пайнвью, наверняка они уже прислали мне ответ. - возразила я, швырнув коробку на землю, чтобы достать телефон.

- Мы отозвали твое заявление, Корал. Прости. - миссис Берн пожала плечами. - Не расстраивайся, Квартекс и правда лучшая академия. Кроме того, там учится мой сын Коул. Вы

обязательно подружитесь! Он хороший парень.

- Мо, извини, но вот с Коулом ей не стоит связываться. - отец строго посмотрел на подругу.

- Демиан, он просто молод! Вспомни себя в его возрасте! - парировала миссис Берн. Отец мягко подхватил ее за локоть и повел к дому.

- В том то и дело, что я прекрасно помню, что на уме у семнадцатилетнего парня. - услышала я отдаляющийся голос отца.

- Коул хороший мальчик! И у тебя будет прекрасная возможность убедиться в этом на приветственной вечеринке в вашу честь в эту субботу! - ворковала миссис Берн.

- Мо, ты просто... невероятна. - выдохнул отец и они скрылись в доме.

Я осталась стоять снаружи, прибитая намертво к гравию. Легкий ветер шуршал листьями, и, почему-то, этот звук раздражал больше, чем интонация отца за ужином, когда он начинал рассказывать "о ценностях и традициях нашего рода", словно мы были потомками царской семьи.

- Ты в порядке? - послышался голос, а затем и шаги отца со стороны особняка.

Он уже успел снять пиджак и закатать рукава джемпера, что являлось признаком "дома". Или он только делал вид, что ему тут комфортно, чтобы еще больше не расстраивать меня.

- А должна? - я потянулась за коробкой, которая лежала

на земле. - Ты отозвал мое завяление и даже не спросил, хочу ли этого я.

- Я предупредил тебя еще неделю назад, Кора. Если бы ты хоть иногда меня слушала...

- Ты сказал: "Мы возвращаемся домой, Кора. Все будет по-другому". Разговора об элитной академии не было.

Папа прищурился. В сумерках его лицо казалось высеченным из того же белого камня, что и колонны этого проклятого особняка.

- Корал, не нужно устраивать сцену на пороге.

- Это ты все уже устроил. - я крепче подхватила коробку и размашистым шагом двинулась к дому.

К парадному входу я не пошла, так как не могла вынести, как Моника Берн смотрит на меня из окна гостиной - с этой ее слащавой жалостью, приправленной любопытством. Мне пришлось красться вдоль стены, где за углом наверняка должен быть второй вход. Я отчаянно нуждалась в одиночестве.

Дом внутри оказался еще больше, чем снаружи. Коридоры пахли воском и старыми книгами, пыльные ковры заглушали ярость моих шагов. Я проверила почти все комнаты, и добрую десятку раз свернула не туда - мне попалась гостиная с роялем, библиотека, помещение, похожее на кабинет, и еще много разных комнат. Для нас с отцом особняк был просто гигантским. Наконец, изрядно выдохшись, я попала в спальное крыло. Вломилась в третью комнату слева и поняла, что именно эту спальню приготовили для меня. Здесь

был свежий ремонт, просторная гардеробная, доверху забитая дорогой одеждой, письменный стол с минимальным декором, а на кровати лежало розовое покрывало в цветочек. Цветочек! Мне семнадцать, а не восемь.

Не в силах осквернить покрывало своим настроением, я рухнула на пол возле кровати. В голове гудело - Квартекс, элитная школа, дорогие шмотки, особняк... Откуда все эти деньги, если у нас с отцом их нет? Какой-то сын Моники, с которым не стоит связываться, но с которым я буду учиться и, по всей видимости, постоянно видаться... Если у меня комната ломится от дорогих шмоток, то у него наверняка золотая кредитка и личный водитель. Да что тут, черт возьми, творится?

- Кора? - раздался голос отца за дверью.

Он не отважился войти, а просто стоял за дверью, как он обычно делал, словно боялся нарушить мои границы. Меня всегда это удивляло, учитывая хотя бы то, что он только что пересек полстраны внутри моих границ.

- Чего? - недовольно протянула я.

- Ужин через час, приведи себя в порядок.

- Я в порядке. В полном.

Отец не ответил, и я решила, что он наконец ушел. Но я была не права.

- Я знаю, ты злишься, и имеешь на это полное право. Но Квартекс - это не моя прихоть. Твоя мать... - он запнулся, и я услышала, как он тяжело сглотнул. - Она этого хотела еще

до того, как... до всего.

Я молчала. А что я могла ответить? Что мать бросила нас, потому что он не мог работать больше полугода на одном месте? Или что для меня ее желания больше не имеют значения, раз она нас предала?

- Ладно. - выдавила я. - Ужин так ужин.

Папа ничего не ответил. Он шумно выдохнул, а затем его шаги стихли в глубине коридоров.

Ужин, организованный Моникой, прошел так, как я и ожидала - чопорно, изысканно, с тремя видами вилок и светскими беседами о том, кто кого помнит и в каких пеленках. Миссис Берн казалась на удивление приятной женщиной, когда переставала играть роль радушной хозяйки в чужом доме. Она рассказывала о сыне без той слащавости, которой грешат матери семейства из рекламы стирального порошка.

- Коул - это вызов обществу, - призналась она, когда отец отлучился за бокалом вина. - Он очень умный мальчик, но достаточно ленивый, чтобы исправить свою репутацию. Или не ленивый, а просто ищет себя. Я его не понимаю, но ты поймешь, когда вы познакомитесь.

- А он вообще в курсе, что ему необходимо со мной знакомиться? - не выдержала я.

- Кора, не груби! - послышался голос папы из недр кухни.

- Все в порядке, Демиан. - ласково отозвалась миссис Берн, затем сузила глаза и понизила голос. - Он в курсе все-

го, что творится в городе. Но против вашего приезда он не возражал, а это уже много значит, поверь. Обычно он устраивает целый бунт против того, что исходит от меня.

Моника рассмеялась, и в ее смехе, напоминающем звон колокольчиков, не было ни капли наигранности или жеманности. На секунду я даже поверила, что Эмбервейл может стать моим домом. Но только на секунду.

Поздним вечером, когда Моника Берн наконец ушла, я осталась с отцом наедине. Он разбирал какие-то бумаги за гигантским столом в кабинете, а я стояла в дверях, не решаясь войти. Отсюда папа казался совсем крошечным среди всей этой нелепо большой мебели в этом поистине огромном доме. Особняк словно болел гигантизмом и это чувствовалось в каждой детали интерьера.

- Пап? - мой голос неожиданно дрогнул.

- М-м?

- Квартекс... Это ведь так дорого!

Папа поднял голову, документы в его руках встрепенились.

- Не твоя забота. - отрезал отец.

- Моя. Если ты платишь за МОЮ учебу, значит, это МОЯ забота. - отчеканила я.

Отец отложил документы и жестом пригласил меня сесть в свободное кресло напротив стола. Я опустилась на край сидения с прямой спиной, как на уроке по этикету для юных дам.

- Корал, в Эмбервейле наша фамилия очень много значит. Куперы - одна из старейших семей в городе. Мой дед построил здесь первую школу, а моя бабушка основала городскую библиотеку. И когда я говорю "уважаемая семья", я не хвастаюсь, а просто озвучиваю факт. И я не могу отдать потомка Куперов в Пайнвью Хай.

- Потому что эта школа слишком... простая? - предположила я.

- Потому что она не для нас. - отец помолчал, а затем продолжил. - Твоя мама... Она была Купер потому, что вышла за меня замуж, но приняла эту фамилию с открытым сердцем. И она закончила Квартекс с отличием. Поверь, если бы она была здесь, то не позволила бы тебе сомневаться.

- Мама ушла, пап.

Слова повисли в воздухе грозовой тучей перед дождем. Отец медленно кивнул.

- Знаю, поэтому и думаю за нас двоих. Я просто должен, дочка.

Я хотела возразить ему и сказать, что он не должен так переживать, но мой рот сработал быстрее мозга:

- Ты потому привез нас обратно? Ведь здесь все напоминает тебе о маме.

Отец не ответил. И его молчание, увы, не внесло ясности во всю ситуацию, что с нами творилась.

Подготовка к первому школьному дню началась ранним утром вместе с негромким настойчивым стуком отца в дверь

моей спальни.

- Веселее, Кора! Нам нужно купить твою идеальную форму, ведь в Квартексе проверяют внешний вид на входе!

- Серьезно? - простонала я и натянула одеяло на голову.

- Я очень серьезен, так что вставай.

Мы отправились в магазин при школе - маленький, но очень дорогой. Тут и там висели одинаковые блейзеры, юбки, брюки и галстуки всех мыслимых и немыслимых размеров. Консультант с лицом, которое видело уже не одно поколение "золотых" детей, измерила меня мерной лентой с головы до ног и выдала целый гардероб.

- Примерь. - строго велел отец

Я натянула юбку - она оказалась длиннее, чем я люблю. А блейзер вообще повис мешком.

- Кажется, не мой размер. - крикнула я из примерочной.

Консультант устало вздохнула и шаркающим шагом удалилась. Мне пришлось примерить еще четыре комплекта одежды, пока я не увидела довольное лицо папы. Потом были туфли на низком каблуке, "чтобы не отвлекали от учебы", за ними галстук, который папа собственноручно завязал узлом, которого я не знала, и спортивная форма "посвободнее, чтобы не сковывала движения".

Я едва не закатила глаза, но сдержалась. В его голосе и движениях было столько уверенности, что мне не хотелось с ним спорить. Точнее, очень хотелось, но мне было лень.

По дороге домой отец неожиданно свернул на набереж-

ную, которая мне сразу понравилась. Мы остановились у маленького кафе, где пахло корицей и свежей выпечкой.

- Я хочу, чтобы ты кое-что поняла. - сказал он, заказывая два кофе у терминала - мне черный, себе - с молоком. - Я не идеальный отец, Кора, и я это знаю. Я много работал, мы много переезжали, и у тебя есть все права так себя вести.

Я молча пялилась на посетителей, не разбирая лиц. В кофейне было душно, такой же характеристикой обладал и этот разговор.

- Но Квартекс - это не наказание, и даже не способ показать обществу, что мы лучше или выше всех остальных. Это возможность. Мой отец всегда говорил, что образование - это единственная ценность, которую у тебя не отнимут, даже если весь мир рухнет. Так считает и твоя мама. - он принял кофе из рук бариста, сделал глоток и поморщился. - Я не хочу, чтобы ты думала, что я спускаю деньги на понты.

- Но все происходящее именно на это и похоже.

- Нет, Кора. Все это, - отец описал круг свободной рукой - твое будущее. - он посмотрел на меня так, что я отвела глаза. - Прости, но я не умею красиво говорить. Не умею обнимать, когда нужно, и не всегда понимаю, что у тебя в голове. Но я пытаюсь, правда. И, если тебе будет плохо в школе, позвони мне, и я сразу же приеду.

- Ты никогда не бросаешь свою работу. - буркнула я в бумажный стаканчик с напитком.

- Ради тебя - брошу.

До самого дома мы больше не разговаривали. Вечером я сидела на кровати и перебирала форму - пиджак, блейзер, юбка и прочая одежда - все такое новое и дорогое, с запахом роскоши и налетом испорченности.

- Корал? - отец заглянул в комнату. - Не спишь?

- Как видишь.

Папа неуклюже вошел, будто впервые вторгся в мое пространство. В руках у него шуршал бумажный пакет.

- Я нашел это в библиотеке. Подумал, что ты не сможешь уснуть, и вот... ну, мне помогает, когда я нервничаю.

Он протянул пакет. Внутри была старая потрепанная книга. На корешке виднелось название - "Над пропастью во ржи". На форзаце было выведено каллиграфическим почерком: "Демиан Купер. 9 класс, Квартекс". Дальше был указан факультет, но название было не разобрать.

- Ты это читал? - удивилась я.

- И твоя мать тоже, сама посмотри.

На последней странице, действительно, обнаружились инициалы мамы.

- Спасибо. - сказала я, и голос почти не дрогнул.

Отец кивнул, хлопнул меня по плечу - слишком сильно, по-отцовски - и вышел. А я осталась с книгой в руках, формой на стуле и туфлями у двери. Завтра - мой очередной первый день в очередной новой школе.

Я открыла книгу на первой странице и погрузилась в текст. Снаружи шумел Эмбервейл - город, которого я не

помню, но который помнит меня. Ветер раскачивал деревья и их тени скользили по моей стене, словно скрюченные пальцы пианиста, пробующие клавиши перед концертом.

Завтра все начнется заново. И, кажется, впервые за долгое время мне хотелось, чтобы этот день наступил позже.

Глава 2

Утро началось как обычно - душ, завтрак, укладка, которая состояла из туго стянутого хвоста на затылке, проверка рюкзака на наличие документов и дорога к школе. Папа проводил экскурсию по городу его молодости, я без восхищения пялилась в окно.

- Волнуешься? - спросил он, когда рассказывать про город уже, казалось, нечего.

- Нет. - безразлично отозвалась я.

Я и правда не волновалась. Мне было абсолютно не важно, как меня примут в новой школе и в какую касту я попаду. Я это уже проходила без малого около сотни раз и я сама не поняла, как эта, казалось бы, сложная для подростка задача превратилась для меня в механическое действие. Правда, в элиной частной школе я еще не училась, но не думаю, что в таких академиях подонков или девиц с низкой социальной ответственностью больше, чем в обычной школе. Откровенно говоря, мне было плевать на окружающих, и не потому, что я считала себе умнее или выше их. Просто я четко понимала, что все эти люди лишь временное явление в моей жизни, потому и не рассчитывала на дружбу, ненависть, презрение и какие-либо другие эмоции в свой адрес. Мы просто вынуждены оказаться в одной точке в одно время, но наши пути очень быстро разойдутся. Так что волноваться мне бы-

ло не о чем.

Папа посадил меня недалеко от главного входа и радостно помахал на прощание. Кажется, ему действительно нравился этот город, он был менее нервным и чуточку более счастливым, чем обычно. Школьный двор встретил меня еще свежим зеленым газоном, трехэтажными корпусами из красного кирпича и традиционными окнами в синих рамах. Здания явно были старыми, но из-за того, что за фасадом и территорией тщательно ухаживали, место показалось мне даже уютным. Так как построено здание в классическом стиле - прямые широкие коридоры с кабинетами и другими помещениями по разные стороны, я без труда нашла администрацию школы, получила расписание у секретаря и отправилась искать класс, в котором у меня должен проходить урок. Не успела я покинуть секретаря и выйти за дверь кабинета, как на меня, словно ураган, налетела девушка. Ее длинные волосы пшеничного цвета разметались по спине и плечам, в волосах была причудливая блестящая заколка в цвет глаз - голубых, как небо в ясный день. Она была красива в классическом понимании, и эту классическую красоту подчеркивала школьная форма, украшенная персональными аксессуарами - брошью из цветных камней в виде бабочки и большим круглым значком с непонятной мне символикой.

- Привет! Ты Корал? - прошептала она слегка писклявым голоском.

- Да. - слегка запнулась я от неожиданности, что она зна-

ет мое имя.

- Я - Айтерия. Можно просто Терри. Я твой куратор на период адаптации.

- Мой... кто? - мои брови полозли вверх от удивления.

- Куратор. Помогу тебе освоиться в академии. Ты первый раз меняешь школу?

- Эм... вообще-то нет и я уверена, что куратор мне ни к чему. Справлюсь сама. - я попыталась от нее отделаться.

- У нас так принято, да и во всех нормальных школах так заведено. Откуда ты приехала? - девушка проигнорировала мой отказ от ее услуг и повела меня по коридорам школы.

- Из Калифорнии. - ответила я, чтобы не казаться невежливой.

Дальше Терри продолжила болтать без умолку о том, где располагаются шкафчики, как перенастроить кодовый замок, где получить учебники и прочую ерунду, которая может понадобиться новичку. Я же покорно плелась за ней, поворачивая голову в разные стороны по ее указанию. Когда Терри поумерила свой пыл и перестала вываливать на меня информацию тоннами, к ней подскочил парень в попытке напугать, но девушка даже не шелохнулась.

- Привет, Терри! Как провела лето? - вежливо поинтересовался он, глядя почему-то на меня.

- Зик, знакомься! Это Корал, новенькая. Приехала из Калифорнии. - проигнорировала его вопрос Терри, переводя разговор в мою сторону.

Парень протянул мне свою огромную ладонь, а я бесцеремонно пялилась на него, не обращая внимания на приветственный жест. Его внешность завораживала - темная кожа, практически черная, сияла в свете школьных ламп. Ярко-зеленые глаза пленили так, что от них невозможно отвести взгляда. Аккуратная короткая прическа позволяла ему держать мелкие кудряшки в безупречном порядке, а атлетическое телосложение и вовсе заставляло меня глубоко дышать. Просто смотреть на него и не пускать слюни было настоящим испытанием.

- М-можно просто Кора. - запнулась я после затянувшейся паузы, протянув ему руку в ответ.

- Тебе у нас понравится. - добродушно отозвался парень и потерял ко мне интерес.

- Итак, мы подошли к самому важному - к устройству иерархии в нашей академии. - Терри сверкнула глазами и приготовилась рассказать мне самые горячие сплетни Квартекса.

Я собралась слушать Терри с привычным безразличием, но где-то на задворках сознания всё ещё маячил образ того парня — Зика. Высокий, темнокожий, с пронзительными зелёными глазами и лёгкой улыбкой, которая, казалось, не предназначалась лично мне, а была просто частью его натуры.

— У нас четыре факультета, — продолжала Терри, жестикулируя так, будто дирижировала невидимым оркестром. —

Каждый имеет свою специализацию, свои традиции и, скажем так, свою репутацию. «Пайрон» — считают себя элитой, там, в основном, учатся наследники крупнейших состояний. «Мэрис» — интеллектуалы, немного странные и непресказуемые. «Вэнто» — творческие души, артисты, музыканты, писатели. И «Тэррен»...

Она сделала драматичную паузу.

— А что «Тэррен»? — без энтузиазма спросила я.

— А «Тэррен» — это все остальные. Те, кто не дотянул до элиты или отрицает их превосходство, не захотел учиться или не нашёл себя в творчестве. Там, скажем так... атмосфера своеобразная.

— И на каком факультете учусь я?

— Ты? — Терри загадочно улыбнулась. — Ты на «Пайроне». Богатая наследница, судя по всему. - Терри слегка толкнула меня плечом. - Я, к слову, на «Вэнто». Так что курировать тебя мне поручили, можно сказать, в качестве исключения — обычно куратора назначают с того факультета, куда зачислили ученика. Но директор сказал, что у тебя особые обстоятельства.

Особые обстоятельства. Интересно, что бы это значило. Папа ничего не говорил о каких-то особенностях, когда оформлял меня сюда. Впрочем, папа вообще последнее время говорил мало и по делу.

— А тот парень? Зик? Он тоже на «Вэнто»? — спросила я как бы невзначай.

— Зик? — Терри улыбнулась. — Зик Филдс. Нет, он с «Тэррена». Хороший парень, между прочим. Спокойный, не лезет в драки, в отличие от некоторых. — девушка понизила голос. — А вот от Коула Берна держись подальше. Он тоже с «Пайрона», и он полная противоположность Зикю. Самовлюблённый, агрессивный, вечно ищет, кого бы задеть. И ему всё сходит с рук, потому что он искусно манипулирует людьми.

— Коул? — переспросила я, так как кажется знала, о каком именно Коуле идет речь.

— Коул Берн. Красивый, богатый, опасный. И абсолютно невыносимый. Если встретишь — просто проходи мимо.

Я хмыкнула. Предупреждения меня никогда не останавливали, но и провоцировать кого-то в первый же день не входило в мои планы. Я вообще старалась быть невидимой — лучшая стратегия для вечной странницы.

Терри отвела меня от шкафчиков, показала столовую, туалет и наконец привела к кабинету, где должен был начаться первый урок — история.

— Заходи, знакомься с классом. Я заберу тебя на обеде, хорошо? — она сжала мою руку и умчалась так же стремительно, как и появилась.

Я толкнула дверь. Внутри оказалось темно — кто-то предусмотрительно задёрнул шторы, оставив лишь тонкие полоски света, падающие на парты. В классе было человек пятнадцать, все повернули головы в мою сторону, но их

взгляды скользнули мимо, словно я была пустым местом. Кроме одного.

Зик сидел в третьем ряду у окна. Увидев меня, он коротко кивнул и едва заметно улыбнулся — не думаю, что он флиртует, скорее это просто дружеское приветствие. Я ответила тем же и направилась к свободной парте.

Но не успела я сесть, как сзади раздался голос — низкий, насмешливый, с превосходством в каждой интонации:

— А это ещё что за мышка?

Я обернулась. В дальнем углу, откинувшись на стуле так, что тот едва держался на двух ножках, сидел парень. Огненные, почти оранжевые волосы падали на лоб тугими завитками, янтарные глаза смотрели нагло и оценивающе. Дорогая школьная форма сидела на нём безупречно, а на запястьях поблёскивали часы, стоимостью, наверное, с годовое обучение. Он не был похож на Зика — ни капли. Светлая кожа, острые черты лица, пухлые губы, застывшие в усмешке.

Коул Берн. Я сразу его узнала. Внешнее сходство с миссис Берн было просто поразительным.

— Новенькая, — ответила я спокойно и отвернулась.

— Я не разрешал тебе отворачиваться, — его голос стал жёстче.

Я медленно повернулась обратно, посмотрела ему прямо в глаза и сказала так, чтобы слышали все:

— А мне плевать на твоё разрешение.

По классу пронёсся приглушённый шепоток. Кто-то ах-

нул, кто-то, наоборот, замер в ожидании развязки. Зик нахмурился и открыл было рот, но Коул его опередил.

— Дерзкая, — протянул Коул, поднимаясь. Он двигался медленно, с поступью хищника, и я почувствовала, как напрыглись остальные ученики. — Ты хоть знаешь, кто я?

— Если честно, мне все равно. Хотя сама королева Англии, — я не отвела взгляда.

Он остановился в двух шагах от меня, и я впервые оценила его рост — он был выше меня как минимум на голову. От него пахло дорогим одеколоном и чем-то пряным, почти звериным.

— Запомни, мышка, — сказал он тихо, почти ласково, но в этой ласке сквозила угроза. — В этой школе есть правила. Первое и самое важное: я здесь главный.

— Ты ошибся, — я скрестила руки на груди. — Главный здесь директор. А ты — просто ребенок с большим самомнением.

Зик кашлянул, прикрывая смех. Коул метнул в него злой взгляд, но тот лишь развёл руками — мол, я ни при чём.

В этот момент в кабинет вошёл учитель — пожилой мужчина с густыми седыми бровями.

— Мистер Берн, займите своё место, — сухо сказал он, словно поведение Коула его не удивляло. — Мисс... — он заглянул в планшет, — мисс Корал Купер, рады приветствовать вас в нашей академии.

Коул плавно отступил, но перед этим шепнул мне так, что-

бы слышала только я:

— Это не конец, Купер.

— Я и не надеялась, — ответила я ледяной улыбкой.

Урок тянулся бесконечно. Профессор Эштон монотонно вещал о каком-то историческом периоде, которого я даже не запомнила. Я записывала лекцию на автомате, чувствуя на затылке сверлящий взгляд янтарных глаз.

После истории была литература, потом математика, где я, слава Богу, не вляпалась ни в какое дерьмо. На большой перемене ко мне подскочила Терри, сияющая и взволнованная.

— Ну как? Ты уже подружилась с кем-нибудь?

— Познакомилась с Берном, — ответила я. — Я думаю, у нас все шансы стать лучшими друзьями.

Терри побледнела.

— Кора, ты что, с ним спорила?

— А что мне нужно было сделать? Упасть на колени перед его сиятельством?

— Нет, но... — Терри замялась. — Он мстительный. Очень.

— Разберусь.

Мы пошли в столовую. Я взяла салат и сок, села за свободный столик. Терри примостилась рядом и начала рассказывать о расписании, но я её почти не слушала — заметила в другом конце зала знакомую фигуру. Коул сидел за большим столом с компанией таких же холёных парней и девушек. Рядом с ним, буквально виснув на плече, расположи-

лась высокая девушка с почти красными волосами и холодными серыми глазами.

Сейчас она что-то шептала Коулу на ухо, поглаживая его по руке. Он не сопротивлялся и не отстранялся. Позволял, но сам смотрел куда-то в пустоту — и вдруг его взгляд встретился с моим. На мгновение мне показалось, что он усмехнулся, и эта усмешка была адресована мне.

— Зоуи Гоал, — пояснила Терри, проследив за моим взглядом. — Она с «Пайрона», как ты и Коул. И она давно на него глаз положила. Он, правда, вроде бы не отвечает, но и она не отступает.

— Мне плевать, — сухо сказала я, не боясь задеть Терри. Кажется, она и не заметила моей грубости.

После обеда мы вышли в коридор, и тут я снова увидела Коула. На этот раз он стоял в конце галереи, окружённый тремя своими приятелями. Перед ними, прижатый к стене, замер маленький парень в очках — тщедушный, с ужасом в глазах.

— Вечно он задирает младшекласников, — прошептала Терри с отвращением. — Особенно тех, кто не может дать сдачи.

Коул занёс руку для удара. Я перестала соображать и просто сделала шаг. Потом второй. Каким-то образом я оказалась между ним и его жертвой.

— Отойди, Купер, — голос Коула стал низким и опасным.

— Достойное поведение для лидера школы: толпой прес-

совать младшеклассника. — я посмотрела на него снизу вверх.

— Он первый начал, — Коул кивнул на парня за моей спиной.

— Неправда! — пискнул тот. — Я просто споткнулся!

— Слышал? — я сложила руки на груди. — Парень просто упал. Может, тебе стоит носить табличку "Не падайте к моим ногам, я не святой"?

Вокруг засмеялись. Кто-то нервно, кто-то искренне. Коул покраснел от злости.

— Ты пожалеешь об этом, — прорычал он, делая шаг вперёд.

Я не отступила.

— Угрожать девушке — слишком высокий уровень даже для тебя, царь.

Он замер. А потом толкнул меня — несильно, но демонстративно. Я сделала шаг назад, ударилась спиной о стену, но устояла. И в ту же секунду во мне что-то щёлкнуло. Равнодушие, спокойствие, отстранённость — всё, что я так долго в себе воспитывала, разлетелось вдребезги.

Я замахнулась и влепила Коулу пощёчину.

Звук получился звонким — в тишине коридора он прозвучал как выстрел. Голова Коула дёрнулась в сторону, на его щеке проступил красный отпечаток моей ладони. Он медленно повернулся обратно, и в его глазах полыхнуло такое, от чего мне стало по-настоящему страшно.

— Мышь, — выдохнул он и занёс руку для ответного удара.

Я закрыла глаза, но удара не последовало.

— Берн! А ну стоять! — рявкнул чей-то голос.

Кто-то из преподавателей приближался к нам быстрыми шагами. Взгляд Берна, устремлённый на меня, горел ненавистью.

— Тебе конец, Купер, — прошипел он, когда преподаватель был в нескольких шагах от нас.

Преподаватель повел его и других парней направо по коридору.

Я прислонилась к стене, чувствуя, как дрожат колени. Терри подбежала, схватила меня за руку.

— Ты с ума сошла? — прошептала она, но в голосе звучало восхищение. — Ты дала пощёчину Коулу Берну. Самому Коулу. Берну. Никто и никогда...

Из-за угла выплыла Зоуи Гоал. Она смотрела на меня, и в её глазах читалось откровенное злорадство.

— Ну надо же, — протянула она. — Мышка решила показать характер. Только зря. Коул не прощает таких вещей. — Она поправила волосы и посмотрела в сторону, куда ушел Коул с преподавателем. — Можешь не разбирать чемоданы — ты тут надолго не удержишься.

Она развернулась и ушла.

Остаток дня прошёл в тумане. На обеде я снова видела Зоуи — она висела на Коуле, гладила его по плечу, загляды-

вала в глаза. Он сидел мрачный, с красным отпечатком на щеке, но реальность для него словно не существовала. Зик пару раз одарил нас с Терри своей ослепительной улыбкой, но не приближался, продолжая общаться с парнями из футбольной команды.

После обеда Терри потащила меня на факультатив по древнегреческой истории.

— Ты должна его увидеть! — её глаза горели. — Мистер Кассиан. Тэо Кассиан. Он невероятный!

Я нехотя согласилась, хотя не питала ни малейшего интереса к древнегреческой истории. Но Терри прожужжала мне все уши, что это обязательный факультатив для новеньких, так что я была вынуждена пойти.

В маленькой аудитории на третьем этаже пахло пылью и старыми книгами. У доски стоял молодой мужчина — тёмные выующиеся волосы, аккуратная борода, внимательные темные глаза за тонкой оправой очков, которые ему, на удивление, шли.

И в первом ряду сидела Зоуи Гоал, впившись в него взглядом.

- Рад приветствовать вас после летних каникул. Вижу новые лица в классе. Очень рад, что все больше студентов интересуется моим факультативом. Напомню для тех, кто забыл или не знал - мое имя Тэо Кассиан. - преподаватель взял мел и написал свое имя на доске.

Весь класс сидел в предвкушении лекции, а я не готови-

лась удивляться. Мистер Кассиан похож на многих учителей и разительно ничем не отличался. Но чистый блокнот я все же достала.

- В этом году мы будем изучать стихии в древнегреческой мифологии. - продолжил преподаватель.

- Будет круто! - шепотом обратилась ко мне Терри.

Ее глаза, словно два топаза, светились от радости. Я же, как обычно, ее восторг не разделяла. Как вообще меня угодило целый день общаться с этой девчонкой? Она словно вихрь - сносит тебя с ног, но без ее общения ты чувствуешь себя пустым. Для меня такие эмоции были в новинку. За размышлениями я пропустила почти половину лекции и попыталась сосредоточиться на преподавателе.

- Место проживания племени воды доподлинно неизвестно, но принято полагать, что деревня располагается под водой. Считается, что в этом племени жили только мужчины, которым полагалось охранять Трезубец Посейдона. Раз в год мужчины выходили на сушу, в некоторых источниках указано, что они могли провести только одну ночь вне воды, с целью произвести потомство, как вы понимаете, с жителями суши. Мальчиков забирали на воспитание, девочки оставались с матерями. Так они существовали сотни лет. Но однажды один из членов племени не захотел расставаться со своей любимой женщиной и устроил революцию внутри деревни в попытке собрать единомышленников. Племя раскололось на два лагеря. Однако водные братья не были готовы

потерять навсегда своих соплеменников, потому они откололи щепу от древка Трезубца Посейдона и создали из нее стрелку для компаса, чтобы покинувшие их соплеменники всегда могли найти дорогу домой. Те, кто вышли на сушу, стали представителями "светлой воды", впитав в себя солнечный свет и потеряв часть влаги. Соплеменники, что решили остаться, стали представителями "темной воды", которая несет в себе всю глубину океана и не принимает солнечный свет.

- Простите, учитель. - Зоуи подняла руку. - Почему в племя забирали только мальчиков?

- Хороший вопрос, мисс Гоал. - преподаватель подмигнул ей, и девушка улыбнулась. - Изначально племя было создано для охраны Трезубца Посейдона, чтобы тот, у кого злые помыслы, не мог до него добраться, ведь в Трезубце заточена огромная сила. Было избрано тридцать три добровольца, которых сам Посейдон скрыл от людей и титанов в своих владениях, наделив их силой и различными способностями, что помогают им исполнять свою миссию. Считалось, что женщина не сможет оказать должную защиту артефакта, а также не сможет перейти очищающие Врата, которые скрывают деревню от посторонних. Потому мужчинам пришлось выбираться на сушу, чтобы не покидать своих любимых.

- А что же компас? - продолжила Зоуи.

- Легенда гласит, что только истинный потомок Темной воды сможет найти этот компас и увидеть путь домой. Ме-

стонахождение компаса также неизвестно, но есть доказательства, что он действительно существует. Мне понравилась одна цитата из легенд, с Вашего позволения, прочту ее: "Темная вода все помнит. Она хранит память о том, откуда мы родом. И если прислушаться к ней, то она подскажет дорогу домой".

Зоуи слушала, раскрыв рот, и в её глазах горело настоящее обожание.

Наконец урок был окончен и я вышла из школы с тяжелой головой. Папа ждал у ворот.

— Ну как первый день? — спросил он, улыбаясь.

— Нормально, — ответила я, садясь в машину.

Но внутри, в самой глубине, где я привыкла ничего не чувствовать, зарождалось что-то новое. И это новое мне совсем не нравилось.

Глава 3

- Это точно лучшее местное кафе? - третий раз я атакую водителя такси этим вопросом. Но мне, правда, не хотелось-бы тратить свободный день впустую.

- Если вам не понравится, с меня бесплатная поездка. Номер экипажа на заднем крыле. - терпеливо отозвался водитель.

Я выхожу из такси, но не спешу в кафе. Раз уж сегодня у меня день знакомства с городом, так проведу его в своем ритме. Или в ритме города.

Как бы я не любила захолустья, все-таки в них есть особый шарм. Возможно, будь я старше, то рассмотрела бы для места постоянного проживания что-то вроде Эмбервей-ла. Солнце почти в зените, набережная напротив кафе кажется бесконечной. Блики качаются на легких волнах воды, цвет которой вторит ясному небу, а сам водоем настолько прозрачный, что я вижу маленьких рыбешек на мелководье, которые, как и я, решили насладиться последними теплыми днями в этом году. Немногочисленные прохожие не спеша прогуливаются по набережной, в воздухе стоит аромат соли, моря, свежесваренного кофе и домашней выпечки.

Желудок предательски урчит, и я вынуждена покинуть пейзаж счастливой жизни в маленьком городе, пока не захлебнулась слюной от запаха домашнего хлеба. Обстановка

в кафе тоже довольно уютная - аккуратные круглые столики расставлены довольно практично - на первый взгляд, они хаотично разбросаны по залу, но на самом деле в расстановке мебели чувствуется определенная система. Деревянный пол из светлого дерева со слегка потертым лаком наводит на мысли, что посетителей здесь довольно много, однако сейчас в кафе практически никого. Наверное, романтичнее было бы занять столик у окна и с меланхоличным видом щипать круассан, в другой руке держать крошечную кружечку кофе и не обращать ни на кого внимания. Но я не романтик, так что шагаю напрямик к столику рядом с прилавком, чтобы послушать местные сплетни.

Я не люблю собирать или распространять слухи, но если хочешь закрепиться в маленьком городе, то будь добр погрузиться в его жизнь с головой. Просто существовать в таких местах недостаточно, тем более мне нужны полезные знакомства.

- Вы давно здесь живете? - неожиданно для себя спросила я у добродушной хозяйки заведения.

Она, кажется, тоже не ожидала моего вопроса, так как я односложными предложениями сделала заказ и пыхтя, как старый паровоз, устроилась за столиком лицом ко входу в кафе, словно мне необходимо контролировать вход, как агенту ФБР. Да и вопрос прозвучал гораздо грубее, чем я планировала. Женщина на миг скептически подняла бровь, но через секунду расцвела в улыбке.

- Так вы не местная! Проездом? - ответила она вопросом на вопрос.

- Недавно перебрались с папой. - я постаралась изобразить улыбку, но скорее вышел оскал грустного клоуна.

- Тебе здесь понравится! - воодушевилась женщина и продолжила - такого города, как Эмбервейл, больше нет нигде в мире. Он уникален! — воскликнула хозяйка, и в её голосе было столько неподдельной гордости, будто она сама придумала этот город, нарисовала каждый домик и посадила каждое дерево. — Ты знаешь, в Эмбервейле особенный микроклимат, такого больше нигде на побережье не найти, зимы у нас мягкие, лето не слишком жаркое, а главное — воздух, смесь морского бриза и лесных испарений, врачи говорят, что у нас чуть ли не самый здоровый воздух в стране.

Я отпила кофе, который оказался на удивление хорошим — терпким, с горьковатым послевкусием и тонким ароматом лесных орехов, — и жестом предложила хозяйке продолжать, потому что, если честно, мне стало интересно, а в маленьких городах такие разговоры — единственный способ понять, куда ты вообще попал.

— А ещё у нас есть потухший вулкан, — добавила она, понизив голос почти до шёпота, словно делилась секретом, который не предназначен для случайных ушей. — К югу отсюда, примерно в часе езды на машине, но туда лучше не соваться без местного проводника, потому что склоны местами осыпаются, а тропы никто не поддерживает уже лет два-

дцать.

Я поставила чашку на блюде и почувствовала, как внутри шевельнулось что-то вроде любопытства — не того, праздного, которое заставляет листать туристические брошюры, а настоящего, почти болезненного, когда хочется залезть в самую глубь и потрогать всё руками.

— А термальные источники? — спросила я, вспомнив, что читала когда-то про геологию этих мест, хотя гуглила я тогда совсем другое, просто случайно наткнулась на статью о спящих вулканах Западного побережья.

Хозяйка кафе — Марта, как я прочитала на бейджике, который она носила на фартуке, — утвердительно кивнула и принялась вытирать стойку, хотя та и так сверкала чистотой.

— Были, — сказала она с лёгкой грустью, — но после того, как вулкан окончательно потух, вода остыла, и теперь это просто ручьи и небольшие озёра, никакого пара и лечебных грязей, разве что набрать в бутылку обычной холодной воды, но рыба там водится, форель, я сама ловила лет пять назад.

Я не удержалась и спросила про парки, про места, где можно гулять, не рискуя забрести в чьи-то частные владения или попасть под колёса грузовика, и Марта с энтузиазмом начала перечислять — сначала городской сад с фонтаном, который включают только по праздникам, потом набережную с пирсом, где старики ловят бычков и рассказывают друг другу одни и те же истории, потом лесопарк Пайнвуд, расположенный на северо-восточной окраине.

— Пайнвуд — это лучшее место в городе, если ты хочешь побыть одна, — сказала Марта, и её глаза засияли каким-то особенным светом, — там есть и хвойные деревья, и лиственные, и несколько видов папоротников, которые нигде больше в этом штате не встречаются, а ещё иногда попадаются редкие птицы, например, синяя сойка или каролинский попугай, но их почти не осталось, поэтому если увидишь — считай, повезло.

Я представила себе картинку: я бреду по лесу, надо мной сомкнулись кроны, пахнет хвоей и сырой землёй, где-то стучит дятел, а в кустах шуршит что-то маленькое и пушистое, — и на секунду мне показалось, что я всё-таки смогу полюбить этот город, не сразу, не со всей душой, но хотя бы настолько, чтобы перестать считать дни до отъезда в колледж.

— Только смотри, — поучительно подняла палец Марта, — не ходи по нетронутым тропам, держись основных маршрутов, у нас пару лет назад девушка заблудилась, её искали трое суток, нашли в овраге с подвернутой ногой, хорошо хоть не в сезон дождей, иначе могли бы и не найти. Там есть чудесная смотровая площадка - иди по тропинке от остановки прямо, никуда не сворачивая.

Я поблагодарила её за совет, расплатилась, оставив чаевых больше, чем следовало — просто потому, что она была единственным человеком за последние недели, кто разговаривал со мной без этой дурацкой снисходительности, словно с ребёнком, который ничего не понимает в жизни, — и вы-

шла на улицу.

Солнце уже сползло с зенита, но всё ещё грело по-летнему; воздух был прозрачным и свежим, как вода из горного ручья, и я сделала глубокий вдох, чувствуя, как лёгкие наполняются этим самым уникальным микроклиматом, о котором Марта говорила с такой гордостью.

Я не спеша прошлась по набережной, заглянула в небольшую букинистическую лавку, где пахло старыми страницами и плесенью, купила потрёпанный детектив за пятьдесят центов — не потому что хотела читать, а потому что продавец с седой бородой напомнил мне дедушку, которого я никогда не знала, — потом свернула на главную улицу, где выстроились в ряд разноцветные витрины, и наконец оказалась на автобусной остановке, ведущей к парку Пайнвуд.

Автобус пришёл через пятнадцать минут, почти пустой — кроме меня, в нём ехала только пожилая пара с сумками, полными овощей, и девушка с наушниками, которая всю дорогу смотрела в телефон и улыбалась чему-то своему, — и я села у окна, прижавшись лбом к прохладному стеклу, наблюдая, как город постепенно редет, сменяясь сначала частными домами с аккуратными лужайками, потом полями, потом лесом, который начинался сразу за указателем «Пайнвуд, 2 мили».

Когда я вышла на остановке, вокруг уже не было ничего, кроме деревьев и асфальтированной дорожки, уходящей вглубь чащи, и на секунду меня накрыла тишина — не та,

когда просто нет звуков, а та, когда мир замирает и прислушивается к тебе, оценивает, достоин ли ты быть здесь.

Я шагнула на тропу.

Парк оказался именно таким, как описывала Марта: огромным, зелёным, с высокими соснами, чьи макушки терялись где-то в небе, и густым подлеском из папоротников, которые колыхались от малейшего дуновения ветра, будто что-то шептали друг другу на своём таинственном языке. Я шла не быстро, останавливалась у каждого необычного дерева, разглядывала лишайник на коре, пыталась расслышать птичьи голоса, но кроме размеренного стука дятла и шороха собственных шагов ничего не было.

Тропа петляла между стволами, то поднималась на небольшие холмы, то спускалась в низины, где земля была влажной и пахла грибами, и я потеряла счёт времени — сначала казалось, что прошёл час, потом два, потом солнце начало клониться к западу, и золотой свет просочился сквозь листву, делая лес похожим на витраж в старом соборе.

Я всё шла и шла, надеясь найти то самое место, которое Марта называла «смотровой площадкой» — с неё якобы видно весь город и даже кусочек океана на горизонте, — но тропа раздваивалась, потом сходилась снова, потом вела к ручью, через который был перекинут шаткий деревянный мостик, а указатели попадались всё реже, и наконец я поняла, что бреду уже не по основной тропе, а по какой-то боковой, заросшей папоротником и ежевикой.

— Чёрт, — сказала я вслух, и голос прозвучал глухо в вечерней тишине, словно лес проглотил его, не желая возвращать.

Я развернулась и пошла обратно, стараясь запоминать приметы — пень с тремя отростками, огромный валун, покрытый мхом, берёза с расщеплённым стволом, — но всё выглядело одинаково, а телефон, который я наконец достала из кармана, показывал без четверти восемь и отсутствие сигнала.

Сердце пропустило удар, но я приказала себе не паниковать: в конце концов, парк не бесконечный, рано или поздно я выйду к дороге или к жилым домам, надо только идти прямо и не сворачивать. Я ускорила шаг, потом почти побежала, ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за кроссовки, и воздух, который несколько часов назад казался целебным, теперь стал тяжёлым и липким, как сахарный сироп.

Через полчаса — или через час, я уже не могла сказать точно — деревья расступились, и я увидела асфальт, но это была не дорога, а широкая аллея с фонарными столбами, за которыми угадывались очертания зданий.

Я вышла из леса на краю жилого района: небольшие двухэтажные дома с палисадниками, ни одного горящего окна, ни одной машины, только редкие фонари мерцали оранжевым светом, разгоняя сумерки, и в конце улицы я заметила большое прямоугольное здание с яркой подсветкой — школьный стадион, судя по трибунам и беговым дорожкам, а на таблич-

ке у входа было выбито: «Пайнвью Хай».

— Ну конечно, — пробормотала я, узнав название той самой школы, куда меня так и не взяли, потому что Моника Берн и отец решили, что Куперы достойны большего. — Какая ирония.

Я уже собралась обойти стадион стороной и выйти на центральную улицу, где можно поймать такси или хотя бы найти автобусную остановку, как со стороны спортивной площадки донёсся громкий крик, затем смех, а потом кто-то с силой пнул пластиковую бутылку, и она со звоном покатила по асфальту.

Я пригнулась и через ограждение разглядела троих парней — примерно моего возраста, может, на год или два старше, — они сидели прямо на траве у края беговой дорожки, их силуэты раскачивались, голоса звучали слишком громко и неестественно, и даже на расстоянии было понятно, что они пьяны: один пытался закурить, но не мог попасть зажигалкой в конец сигареты, второй что-то доказывал третьему, размахивая руками, будто дирижёр сумасшедшего оркестра.

Я инстинктивно замедлила шаг, потом попыталась пройти как можно тише, прижимаясь к забору и надеясь, что темнота и моя тёмная куртка сделают меня невидимой, но судьба решила иначе — в тот самый момент, когда я поравнялась с освещённым участком, у меня в кармане зазвонил телефон.

Мелодия, которую я даже не подумала поменять на беззвучный режим, разнеслась по тихой улице, как сирена по-

жарной тревоги, и я заметалась, пытаюсь нащупать кнопку отбоя, но пальцы не слушались, а телефон всё трезвонил и трезвонил, пока наконец я не выключила его нажатием на экран.

— Эй! — раздался голос со стадиона, хриплый и наглый.
— Ты чего там прячешься?

Я не ответила, ускорившись почти до бега, но через несколько секунд услышала топот за спиной — двое парней уже перепрыгнули через низкое ограждение и шли за мной, третий остался сидеть, но тоже смотрел в мою сторону.

— Ты заблудилась? — сказал один из них, черноволосый, с отросшей чёлкой, падающей на глаза. — Темно же, опасно ходить одной. Давай-ка мы тебя сопроводим.

В его голосе не было ничего доброжелательного, скорее то самое звериное любопытство, когда хищник уже выбрал жертву и пока просто играет, разминается перед броском.

— Не надо, спасибо, — ответила я, не оборачиваясь, но по тому, как они шли — с двух сторон, стараясь зажать меня между собой, — я поняла, что просто так они меня не отпустят.

— А ты вообще откуда? — спросил второй, блондин с красным лицом, видимо, тот самый, который не мог прикурить. — Не видали тебя тут раньше.

— Я не местная, — сквозь зубы сказала я, лихорадочно соображая, куда можно свернуть — направо был глухой забор, налево пустырь и темнота, а прямо — только стадион

и эти двое.

— Ого-о, новенькая, — протянул черноволосый, и я почувствовала, как он сократил расстояние, почти дыша мне в затылок. — А новенькие у нас проходят посвящение. Ты как, готова?

Блондин заржал, запрокинув голову, и в этом смехе было что-то настолько мерзкое, что меня передёрнуло от макушки до пяток. Я развернулась и попыталась обойти их по дуге, но черноволосый схватил меня за локоть, не сильно, но настойчиво, и его пальцы впились в рукав куртки.

— Отпусти, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем колотилось сердце. — Мне не нужны проблемы.

— И нам не нужны, — усмехнулся он. — Мы просто хотим познакомиться. А ты убегаешь. Невежливо с твоей стороны.

Я дёрнула рукой, но он не отпустил, и тут блондин шагнул с другой стороны, теперь они стояли так близко, что я чувствовала запах дешёвого пива и чего-то кислого, и мне стало по-настоящему страшно, внутри все сжалось в тугой узел, а по позвоночнику пробежал холодок.

— Эй, вы, отвалите, — сказал голос из темноты, спокойный, почти ленивый, но в нём было что-то такое, от чего черноволосый сразу разжал пальцы и сделал шаг назад.

Я обернулась и увидела парня — высокого, в тёмной толстовке с капюшоном, накинутым на голову, с руками, засунутыми в карманы джинсов, он стоял в паре метров позади

меня. Он не спешил подходить ближе, словно вся эта сцена его откровенно утомляла. С кошачьей грацией парень обогнул меня и встал передо мной, тем самым заслонив меня от обидчиков.

Блондин сначала хотел что-то сказать, но потом всмотрелся в лицо, которое словно засияло, прямо из-под капюшона, и его бойкость куда-то улетучилась, он отступил на шаг, потом ещё на один, и его голос, когда он заговорил, вдруг стал в два тона ниже и тише.

— Коул, мы не знали... — начал он, но парень перебил его даже не жестом, просто взглядом.

— Убирайтесь, — лениво бросил он.

Черноволосый побледнел так, что это стало заметно даже в тусклом свете фонаря, и они с блондином развернулись и почти бегом — нет, они именно побежали, перепрыгивая через ограждение, и третий, который всё это время сидел на стадионе, что-то залопотал, поднимаясь на ноги, и через минуту все трое сгинули за зданием школы, словно их и не было.

Только пластиковая бутылка ещё перекатывалась по асфальту, звонкая и одинокая, и затихла у сточной решётки.

— Что это было? — спросила я, и только когда слова сорвались с губ, заметила, что пальцы всё ещё дрожат, а дыхание сбилось, как после забега на длинную дистанцию, и что я сжимаю край толстовки так сильно, будто пытаюсь выжать из неё воду.

— Узнали меня, — пожал плечами Коул с таким видом, будто объяснял прописную истину первокласснику, который никак не может запомнить, что дважды два — четыре. — И не захотели связываться. В отличие от некоторых, у них есть инстинкт самосохранения.

— Я видела... свечение, — сказала я, хотя сама не была до конца уверена, но внутри пульсировало странное упрямство, заставлявшее цепляться за эту деталь.

— Тебе показалось, — отрезал Коул, и его голос стал ледяным, — Стемнело, ты напугана, стресс, плюс твои глаза, судя по всему, привыкли к городским огням и не знают, как перестроиться на темноту. У тебя галлюцинации. Или, может, ты решила, что я супермен? Разочарую, я просто хорошо выгляжу.

— Я не...

— Слушай сюда, — он шагнул ко мне, и я снова ощутила, насколько он выше — почти на голову, и даже в свободной одежде проступали широкие плечи, и пахло от него не пивом или потом, а чем-то горьким и свежим, как кора деревьев после дождя, и этот запах почему-то бесил меня ещё больше, чем его слова. — Я только что спас твою паршивую задницу от трёх идиотов, которые могли бы растащить тебя по косточкам, причём даже не вспотев. А теперь ты хочешь сказать, что я виноват в том, что у тебя поехала крыша? Как по мне, то ты и до этого случая была чокнутой. Кто в здравом уме шляется по лесу в одиночку после захода солнца? Ты са-

моубийца или просто ищешь приключений на свою задницу?

— Отвали от моей задницы! - от досады я завопила. - Я не говорила, что ты виноват, — ответила я, стараясь говорить спокойнее, хотя внутри всё кипело от обиды и странного унижения, а кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. — Но если ты такой великий спасатель, может, хватит играть роль оскорблённой принцессы и просто примешь благодарность? Или тебе нужен памятник за то, что ты не прошёл мимо?

— О, я услышал благодарность? — притворно изумился Коул, приложив руку к груди и изображая потрясение. — Где? Потому что в твоём голосе я слышу только обиженное кудахтанье. Ты вообще пожалеешь, что мы встретились, — продолжал он, и в его голосе появилась какая-то злая весёлость, будто ему доставляло удовольствие говорить мне гадости, словно он сдирал кожуру с апельсина длинными полосами. — Я не собирался заступаться, слышишь? Я шёл мимо, хотел просто пройти, но эти придурки такие шумные, что их было слышно за квартал, и если бы я не вмешался, пришлось бы потом объяснять Мо, почему нашу новую соседку ограбили или того хуже. Мне просто не хотелось портить вечер разговорами с полицией, а не потому что я рыцарь на белом коне, которого ты, видимо, вообразила.

— Умоляю, не надрывайся, — фыркнула я, скрещивая руки на груди, чтобы хоть как-то скрыть дрожь, которая теперь смешалась с чистой, незамутнённой злостью. — Я и не ду-

мала, что ты герой. Ты, скорее, похож на того, кто сам разжигает такие костры, чтобы потом эффектно их тушить.

— Не можешь вовремя заткнуться, как посмотрю, — усмехнулся Коул. — Только вот в Эмбервейле за острый язык быстро прилетает по зубам.

— Не сомневаюсь, — ответила я, чувствуя, как кровь приливает к щекам от злости и ещё от чего-то, чему я отказывалась давать название. — Ты же из тех, кто в сторонке постоит, а потом придёт добивать. Вид у тебя такой — будто ты коллекционируешь чужие страдания вместо марок.

— Раз ты такая умная, — протянул он, и в его глазах пробежали искорки ярости, но тут же утонули в привычной расслабленной надменности. — То должна понимать: никто не будет таскать тебя на руках только потому, что ты новенькая и что ты — Купер. Это ничего не значит. Ты просто никто.

— Тогда зачем ты вмешался? — спросила я прямо, глядя ему в глаза, и в темноте я не могла разобрать их цвет, но чувствовала, что смотрит он тяжело, даже страшно, и что между нами сейчас проходит невидимая черта, которую нельзя переступить, но почему-то ужасно хотелось.

Коул усмехнулся и покачал головой.

— Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься, — сказал он, понизив голос, и в этой тишине было что-то почти интимное, отчего мне стало одновременно жарко и холодно. — И я не собираюсь портить свою репутацию из-за какой-то... — он запнулся, и я видела, как он подбирает слово, самое

обидное, — серой мышки, которая забрела в лес в сумерках и удивилась, что ей не рады. Если бы это произошло в Квартексе, я бы просто стоял и смотрел, как тебя разрывает толпа. Может, даже помог бы им. Ты даже представить себе не можешь, насколько я могу быть неприятным, когда захочу.

— О, я уже начинаю догадываться, — ответила я, стараюсь, чтобы голос не дрогнул, но внутри всё трепетало, как натянутая струна. — Ты, наверное, гордишься этим. Маленький король местной помойки.

— А ты, значит, принцесса, которую украли из дворца? — парировал он. — Только вот сказки кончаются, а реальность остаётся. В реальности такие, как ты, либо быстро учатся держать язык за зубами, либо убиваются туда, откуда пришли.

— Я не ищу проблем, — возразила я, хотя понимала, что это бесполезно, что он уже всё решил и мне не переубедить его ни одним словом, но всё равно не могла заткнуться, потому что молчание в этом случае казалось поражением. — Я просто гуляла по парку, ничего больше. В отличие от некоторых, у меня нет привычки влипать в неприятности ради адреналина. Или ради компании таких же высокомерных придурков.

— Гуляла по парку, — повторил он с издевкой, и его губы искривились в такой презрительной улыбке, что мне захотелось стереть её ударом. — В Пайнвуд после заката. Одна. Второй раз пойдешь так «гулять» — не надейся, что кто-то

снова появится из темноты. Я не собираюсь играть в твоего личного телохранителя. У меня и без тебя забот хватает.

— О, не бойся, — ядовито отозвалась я, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна, требующая выпустить пар. — Я не собираюсь тебя напрягать. В конце концов, ты и сейчас-то не блеснул героизмом. Те двое убежали сами, ты просто оказался рядом.

— Ах, так вот как ты благодаришь? — в его голосе зазвела сталь, и он сделал ещё шаг, почти вплотную, так что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо. — Может, мне стоило оставить тебя с ними? Тогда бы ты узнала, что такое настоящая благодарность. В отделении травматологии.

— Угрожаешь? — я не отступила, хотя каждый нерв вопил о том, что надо бежать. — Как смело. Угрожать девушке, которая одна в тёмном переулке. Ты настоящий рыцарь, Коул. Серьёзно, в рыцари бы тебя, только коня не забудь с обратной стороны оседлать.

Его глаза сузились, и на секунду мне показалось, что он сейчас либо ударит меня, либо... я не знала, что. Но он просто выдохнул, шумно, сквозь зубы, и отошёл на шаг, разрывая напряжение, которое повисло между нами, как лезвие ножа.

— Ты даже не представляешь, — сказал он тихо, почти спокойно, но в этом спокойствии было что-то жуткое, — как сильно я жалею, что мать вообще организовала вам этот пе-

реезд.

— Взаимно, — ответила я. — Могла бы спокойно жить в Калифорнии и знать не знать никакого Коула с его короной набекрень.

Он вытащил руку из кармана, и я отпрянула, хотя понимала, что он вряд ли меня ударит — слишком горд для этого, — но он просто поднял её и свистнул, громко, пронзительно, почти как полицейский на футбольном матче, и через полминуты из-за угла вырулило жёлтое такси, затормозив прямо рядом с нами.

— Садись, — приказал Коул, открывая заднюю дверцу, и в его голосе не осталось ни капли той весёлой злости — только сухая, официальная ненависть, как у таможенника, который нашёл наркотики в чужом чемодане. — И запомни адрес: домой тебя довезут, но если ещё раз будешь гулять вечером в этом районе, даже не вздумай надеяться на мою помощь. Я сделаю вид, что не знаю тебя. Более того — я скажу этим парням, где тебя искать. Сам приведу.

— Надеяться? На тебя? — спросила я, но в такси уже залезла, потому что в его словах была какая-то странная логика, да и ноги гудели после долгого дня, а страх потихоньку отпускал, оставляя место тупой усталости и странному чувству, будто я только что проиграла бой, но при этом выиграла что-то, чего не могу назвать.

— Вот и славно, — бросил Коул, захлопывая дверцу с такой силой, что такси чуть качнулось, и постучал по крыше —

таксист кивнул, и машина тронулась с места, оставляя парня на обочине, а я обернулась и успела увидеть, как он поднимает капюшон и исчезает в темноте, быстро, неестественно быстро, словно растворился между двумя фонарными столбами, но мне почудилось или на прощание он всё же посмотрел мне вслед, и взгляд его был не таким пустым, как хотелось бы верить.

Я откинулась на сиденье, сжала кулаки и прошептала сквозь зубы то, что не решилась сказать ему в лицо:

— Ненавижу.

Я откинулась на сиденье, закрыла глаза и почувствовала, как из уголка глаза скатилась одна-единственная слеза — не от страха, не от благодарности, а от какого-то смутного понимания, что этот город, Эмбервэйл, с его уникальным микроклиматом и элитными школами, слишком велик для меня, и слишком мал, и слишком странен, и что Коул, с его ледяным голосом и горящими глазами, — возможно, самое честное, что со мной здесь случилось.

Такси мягко шуршало шинами по ночной дороге, водитель молчал и не включал радио, и я смотрела на огни города, которые медленно проплывали за окном, думая о том, что завтра учебный день в Квартексе, что мне придётся надеть ту самую форму и сесть за парту среди таких же, как Коул, и что, наверное, я действительно серая мышь, если самые яркие эмоции за первую неделю мне подарила встреча с пьяными хулиганами на стадионе школы, в которую меня

не взяли.

А потом я подумала о свечении, которое мелькнуло в тот момент, когда парни заглянули Коулу в лицо, и снова сказала себе — показалось, просто показалось, потому что устала, напугана и вообще не верю в сказки, но где-то глубоко, в том уголке сознания, который редко получает слово, прошептало: «А если нет?»

Дома было темно, отец, видимо, задержался на работе или у Моники, и я, не раздеваясь, упала на кровать, на которой всё ещё лежала та самая книга «Над пропастью во ржи» и телефон, который я так и не включила, молчал на прикроватной тумбочке, и в этом молчании было что-то утешительное, будто кто-то большой и мудрый обнял меня за плечи и сказал: «Ты справишься. Может быть не сразу, но справишься обязательно».

За окном шумел Эмбервилл — город с потухшим вулканом, мёртвыми термальными источниками и лесом, который я запомню навсегда. Город, который, возможно, станет моим домом. Или возможно, очередным этапом на пути, как и все остальные.

Глава 4

- Как это ты не пойдешь на вечеринку? Зик, переведи со странного на человеческий. - Терри не унималась, а теперь еще и переманила Зика на свою сторону.

- Я вообще не понимаю, как вы двое умудрились подружиться. - я закатила глаза так, что, клянусь, увидела свой мозг. Зик фыркнул.

- Кора, у Моники Берн самые лучшие вечеринки! Все мечтают туда попасть, а ты теряешь свой шанс на популярность. - продолжила Терри.

- А кто сказал, что я ищу популярность? В этом гадюшнике мне осталось меньше года, так что я даже не собираюсь пыжиться ради мнимых баллов перед "элитой" или как там они себя называют... - я уже завелась и поздно поняла, что могу кого-то обидеть.

- Ауч. Можно было и не оскорблять местных. - Зик поморщился, но обиженным не выглядел. Мне все больше нравился этот парень.

- Зик, она это не со зла. Просто наша светская львица не поняла, что она светская, потому и ведет себя, как джунглях. Такова ее естественная природа. - Терри мне подмигнула, а я едва подавила стон.

- Я когда-нибудь пойму, как работает голова? - пробубнила я в адрес Терри. Зик прыснул.

- Ну, как ты сама сказала, у тебя на это меньше года. И ты заметно отстаешь. - Терри выглядела довольной собой.

Но, кажется, она победила, так как спустя несколько часов она потрошила мой новый гардероб, набитый дорогими шмотками, а я отметала любой предложенный ею наряд в надежде оттянуть начало проклятой вечеринки.

— Вот это, — Терри вытащила короткое чёрное платье, которое прямо кричало о том, что на него зря потратили деньги. — Оно идеально. Все будут в шоке.

— А мне плевать, что подумают другие, — ответила я. — И вообще, чем меньше на меня будут обращать внимания, тем лучше.

— Ты из ума выжила? — воскликнула Терри, бросая платье на кровать и уже роясь в обувной коробке в поисках подходящих туфель. — Это твой дебют!

— Фильмов про средневековые пересмотрела? Какой дебют, Терри? Я не собираюсь идти на поклон к "королеве бала", чтобы получить дозволение на поиск жениха, — буркнула я, но платье взяла и нехотя приложила к себе, глядя в зеркало на дверце шкафа. — Может, у меня есть дела поважнее, чем изображать светскую львицу в доме Моники Берн.

— Какие, например? — вмешался Зик, который устроился в кресле в углу моей комнаты с таким видом, будто сидел здесь всю жизнь, и бесстыдно листал какой-то журнал, который нашёл на прикроватной тумбочке. — Серфинг в ванной? Коллекционирование пыли на учебниках? Одино-

чество — хорошее занятие, но не в твоём возрасте.

— Ты такой же зануда, как Терри, — простонала я, падая спиной на кровать и уставившись в потолок, на которомплыли тени от уличных фонарей, и в этом танце было что-то гипнотическое, почти усыпляющее.

— Я расцениваю это как комплимент, — Зик перелистнул страницу и добавил, не поднимая головы: — Если ты не пойдёшь, Терри весь вечер будет ныть. А я не вынесу этого, даже по телефону. Так что надевай это чертово платье и иди на вечеринку, хотя бы ради меня. Будь человеком.

Через два часа, когда солнце окончательно спряталось за горизонт и Эмбервейл зажёл свои редкие фонари, мы стояли перед домом Моники Берн, и я чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, потому что платье было слишком коротким, туфли слишком высокими, а внутри дома, за этими сверкающими окнами, был Коул, который, я знала, сделает всё, чтобы этот вечер стал для меня пыткой.

Внутри вечеринка уже гремела на полную мощность — басы музыки вибрировали в полу, в воздухе стоял стойкий запах духов, сладких коктейлей, закусок и попкорна, и первое, что я увидела, войдя в гостиную, была Моника, в облегающем платье цвета бордо, с бокалом в руке и с такой лучезарной улыбкой, что я почти поверила, будто она действительно рада меня видеть.

— Корал, детка, иди сюда! — воскликнула миссис Берн, обнимая меня за плечи и целуя в щёку с той лёгкостью, ко-

торая бывает только у людей, привыкших быть в центре внимания и любить всех без разбора. — Ты выглядишь потрясающе. Коул тебя уже видел?

— Надеюсь, что нет, — честно призналась я, и Моника рассмеялась, будто я сказала что-то ужасно остроумное. И вообще, почему она так печется о том, чтобы я общалась с ее драгоценным сыном?

— Вечно вы, молодёжь, стесняетесь и зря теряете время. — Она подмигнула и плавно уплыла к другой группе гостей, оставив меня стоять посреди зала с чувством, что меня только что завербовали в шпионскую сеть.

Терри и Зик сразу же растворились в толпе — Терри нашла какую-то подругу из параллельного класса и начала что-то оживлённо обсуждать, размахивая руками, а Зик ушёл к бару, где подавали домашний лимонад сомнительного качества, и я осталась одна, в этом море незнакомых лиц, каждое из которых, казалось, сканировало меня с головы до ног, оценивало, взвешивало и отбраковывало за ненужностью.

И тут я увидела Коула.

Он стоял у камина в компании трёх парней, которых я мельком видела в школе, и его поза была настолько расслабленной, настолько домашней, что стало ясно — он здесь король, он здесь свой, а я — лишь временная гостья, которую терпят из вежливости. На нём был тёмно-синий свитер с закатанными рукавами, открывающий предплечья с чёткими линиями мышц, и джинсы, и выглядел он настолько по-че-

ловечески обычным, что это казалось практически обыденным.

Но когда наши взгляды встретились, его глаза на секунду вспыхнули — и я снова увидела то свечение, ту странную искру, которую он так старательно отрицал в ту ночь в парке, — и он улыбнулся. Не той злой, колючей улыбкой, которую я привыкла видеть, а широкой, почти доброжелательной, и я не сразу поняла, что это спектакль.

— Корал! — он отделился от компании и направился ко мне, и в его голосе было столько радушия, что я чуть не поперхнулась воздухом. — Рад, что ты пришла. Моя мать переживала, что ты постесняешься прийти.

— Я не стесняюсь, — ответила я, сжав зубы, потому что в его тоне было что-то покровительственное, унижительное, хотя со стороны это казалось обычной любезностью.

— Тогда позволь представить тебя остальным, — сказал он, и его рука легла мне на спину — туда, где платье заканчивалось и начиналась голая кожа, и это прикосновение было таким неожиданным, таким интимным, что я вздрогнула, а он, разумеется, это заметил и наклонился к самому уху, прошептав: — Расслабься, Купер. Ты дрожишь, как осиновый лист. Это всего лишь вечеринка.

— Я не дрожу, — прошипела я в ответ, но его руку со спины не убрала, потому что это выглядело бы подозрительно для посторонних, а я не хотела устраивать сцену при всех. Он представлял меня каждому встречному — «Корал Ку-

пер, новенькая, дочь Демиана, вы же помните Демиана?», — и все улыбались, кивали, говорили что-то приветственное, но я чувствовала, как его пальцы иногда сжимаются чуть сильнее, чем нужно, и как он незаметно подталкивает меня вперёд, когда я пытаюсь замедлить шаг, и как его голос становится чуть громче, когда он говорит «она у нас скромница, но мы её раскрепостим», — и в этом всем было что-то мерзкое, от чего мне хотелось развернуться и уйти.

Но я не могла. Потому что рядом была Терри, которая смотрела на меня с немым вопросом «ну как?», и Моника, которая то и дело подходила и интересовалась, всё ли в порядке, и отец, который, как ни странно, тоже появился в дверях, и его присутствие означало, что я должна быть пайн-кой.

Тогда в игру вступила Зоуи.

Я не сразу ее заметила — она стояла у стены в компании двух девушек, которые копировали каждое её движение, как зеркала, и её взгляд был прикован ко мне с холодной, хищной внимательностью, которая не сулит ничего хорошего. Зоуи была из тех, кто не терпит конкуренток, и моё появление в доме Коула, да ещё и его личное сопровождение, было для неё персональным оскорблением.

— О, Корал, как мило, что ты пришла, — пропела она, когда Коул на секунду отвлёкся на разговор с каким-то парнем, и её голос был сладким, как сироп, но почему-то обладал привкусом уксуса. — Я думала, ты не из таких. Ну зна-

ешь, тусовщиц.

— Я и не из таких, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, хотя внутри закипала привычная злость. — Но иногда приходится.

— Приходится? — Зоуи рассмеялась, и её подруги поддерживали её вежливыми, дрессированными смешками. — О, бедняжка. Тебя заставили прийти на вечеринку в твою честь, в самый шикарный дом в городе. Какая трагедия.

Я промолчала, потому что любой ответ был бы проигрышным, и Зоуи, почувствовав мою слабость, сделала шаг вперёд, почти вплотную ко мне, так что я почувствовала запах её духов — приторных, цветочных, удушающих.

— Знаешь, что я думаю? — сказала она, понизив голос до конспиративного шёпота, который, однако, был слышен всем вокруг. — Я думаю, что тебе тут не место. Ты не такая, как мы. И вряд ли станешь. Сколько бы Коул ни делал вид, что вы друзья.

— Мы не друзья, — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык, и Зоуи расплылась в довольной улыбке, как кошка, которая только что загнала мышь в угол.

— Вот это честно, — кивнула она, и в её глазах заплясали злые огоньки. — А теперь будь умницей и не позорься. Договорились, мышка?

Она развернулась и ушла, и я осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как щёки горят, а в горле застрял ком унижения, и самое паршивое было то, что она была права —

я действительно была не в своей тарелке, я была чужой здесь, и все это видели, и никто, кроме Терри и Зика, не собирался делать вид, что это не так.

Я решила уйти. Просто развернуться и выйти на свежий воздух, а оттуда — домой, пешком, хоть это и займёт полчаса, но лучше полчаса в одиночестве, чем ещё один вечер в компании людей, которые смотрят на тебя как на экспонат в зоопарке. Я уже сделала шаг к двери, когда чья-то рука схватила меня за запястье и резко развернула обратно.

— А вот так просто сбежать не получится, — сказал Коул, и в его голосе не осталось и следа той показной доброжелательности — только насмешка, только холодная, расчётливая жестокость. — Я пригласил тебя, мать ждала, гости собрались. А ты хочешь улизнуть, как мышка, которую обидели?

— Отпусти, — процедила я, дёргая рукой, но он держал крепко, и его пальцы обжигали кожу так, что я перестала понимать, где боль, где стыд, а где странное, тянущее чувство внизу живота.

— Нет, — просто сказал он, и в его глазах снова мелькнуло то свечение — на этот раз я не сомневалась, что видела его, — и он потащил меня обратно в круг гостей, где уже начиналась какая-то игра, судя по бутылке, которую Зик крутил в руках с видом профессионального крупье.

— Игры? — переспросила я, пытаюсь придать голосу безразличие, хотя сердце ухало где-то в районе ушей.

— В бутылочку, — пояснила одна из девушек — Лесси, кажется, высокая брюнетка с пронзительными зелёными глазами и такой уверенной улыбкой, будто она уже знала все ответы на все вопросы. — Не бойся, это не страшно. Ну, почти.

Мы сели в круг — человек двадцать, наверное, — на ковре в гостиной, кто-то приглушил свет в комнате, оставив только торшер в углу и свечи на каминной полке, и в этом полусумраке лица казались чужими, почти маскарадными. Вдруг я почувствовала себя актрисой, которой не дали сценарий.

Зик поставил бутылку в центр, и она закружилась, сначала медленно, потом быстрее, и её горлышко указало на парня по имени Маркус, который что-то зашептал своей соседке, и та захихикала, и они вышли в центр круга, и через минуту уже целовались — неуклюже, по-подростковому, но с таким энтузиазмом, что из толпы слышались аплодисменты и свист.

— Видишь? — шепнула Терри мне на ухо. — Ничего страшного. Расслабься.

Бутылка крутилась снова и снова, словно отмеряя секунды до моего конца. Пары целовались, смеялись, кто-то отказывался, и тогда его заставляли танцевать или рассказывать неприличные анекдоты, и атмосфера становилась всё более раскованной, почти опасной, и я чувствовала, что какой-то личный демон просто ждет, когда я грохнусь в обморок от напряжения.

Прошло почти десять оборотов, семь поцелуев, два несмешных анекдота и один неуклюжий танец, и я уже начала надеяться, что меня пронесёт, когда Зик раскрутил бутылку в четвёртый раз, и она закружилась, все замерли, провозжая её взглядами, будто от этого зависела судьба мира.

Горлышко остановилось напротив Коула.

— О, — сказал он, и его голос звучал лениво, почти скупающе, — какая неожиданность.

— Крути, — крикнул кто-то из парней, и Коул, с кошачьей грацией, раскрутил бутылку снова, и теперь ее горлышко указывало на меня.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу так быстро, что в ушах зашумело, и я услышала свой пульс — глухой, тяжёлый, как шаги великана. Комната вдруг стала слишком душной, слишком тесной, и все эти лица, которые пялились на меня в ожидании, как зрители в цирке, когда акробат готовится упасть, — все это вызывало во мне панику.

— Ну, давай, мышка, — сказал Коул, поднимаясь и протягивая мне руку с такой насмешливой галантностью, что я захотела её оттолкнуть. — Или ты струсил?

— Не дожدهйся, — сказала я, хотя внутри всё кричало «беги», но я встала, и мои ноги были ватными, а ладони — ледяными, и я поняла, что сейчас произойдёт то, что все изменит, а точнее разрушит мою жизнь.

— Давай, Корал! — крикнула Айтерия, и в её голосе было столько энтузиазма, будто она сама собиралась меня за-

менить, если я откажусь.

— Заткнись, Айтерия, — бросил Коул, не глядя на неё, и его взгляд был прикован ко мне — тяжёлый, изучающий, почти голодный. — Иди сюда. - обращался он уже ко мне.

Я сделала шаг. Ещё один. Ноги не слушались, но я упрямо их переставляла, чтобы не дать этим гиенам еще одного повода для издевательств. Мы стояли теперь в центре круга, и толпа, казалось, сомкнулась вокруг нас. Кто-то зажег ещё одну свечу, и свет упал на лицо Коула. Тут я увидела его глаза — янтарные, почти золотые, с вертикальными зрачками, как у кошки или змеи, но это длилось только секунду, а потом они снова стали нормальными, человеческими.

— Ты боишься, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение, и он наклонился так близко, что я почувствовала его дыхание на своих губах — горькое, с нотками мяты и дерева.

— Нет, — соврала я. Коул усмехнулся, и его рука легла на мою талию, притягивая меня ближе, так что между нами не осталось места даже для того, чтобы вздохнуть.

— Тогда закрой глаза, — приказал он, и я поняла, что не могу больше врать ни ему, ни себе, потому что мои колени дрожали, а сердце выпрыгивало из груди, и я хотела этого — хотела так сильно, что становилось страшно.

Я закрыла глаза, и его губы накрыли мои.

Это не было похоже ни на что, что я читала в книгах или видела в фильмах — не было нежности или романтики, не было сладкого головокружения, которое описывают в любов-

ных романах. Это было жестко и властно, и его рука впиалась в мою спину, не давая отстраниться, и я чувствовала его язык, и его дыхание, и его запах — коры после дождя, озона и мускуса. Я отвечала, потому что мой рот жил своей собственной жизнью, и мои пальцы вцепились в его свитер. Я услышала, как толпа вокруг улюлюкает и свистит, но этот звук доносился откуда-то издалека, будто через толщу воды.

И вдруг всё изменилось.

Я почувствовала, как воздух вокруг стал холодным — неестественно, неправильно холодным, и мои волосы словно поднялись, будто от статического электричества, и когда я открыла глаза, я увидела туман — белый, густой, клубящийся туман, который вырывался из ниоткуда и окутывал нас, и лица гостей за этой пеленой стали расплывчатыми, почти нереальными.

Коул отстранился, его глаза горели — буквально горели золотым светом. Его лицо было напряжённым, почти испуганным, и он смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Ты вода... — прошептал он, и в его голосе не было ни насмешки, ни ненависти — только благоговение и ужас одновременно, и я не поняла, что он имел в виду, но это слово ударило меня, словно молния.

А потом туман рассеялся так же быстро, как появился. Коул отпустил меня, сделал шаг назад, и его лицо снова стало обычным — невозмутимым, насмешливым, холодным. Он повернулся и размашистым шагом к выходу, не оглядываясь.

Толпа расступалась перед ним, как море перед Моисеем, и через секунду дверь за ним захлопнулась.

Я стояла в центре круга, чувствуя на себе десятки взглядов — любопытных, завистливых, осуждающих, — но меня это не касалось, потому что все внутри меня сжималось в тугой узел, и я слышала его шёпот снова и снова: «Ты вода...»

— Что это было? — спросила Терри, подбегая ко мне, но я не могла ответить, потому что сама не знала.

Зик подал мне стакан с водой — обычной, холодной, прозрачной — я выпила её залпом, но она не утолила жажду, которая вдруг проснулась во мне — жгучая, необъяснимая, словно мое тело поглотила пустыня, пески которой обжигали, но настойчиво требовали одного — снова прикоснуться к нему, снова почувствовать его губы, его руки, его шёпот.

Зоуи пялилась на меня с подозрением, — и когда наши взгляды встретились, она отвела глаза первой, и это было маленькой, но важной победой.

— Корал, — позвал меня Зик, и его голос был серьёзным, почти взрослым. — Ты точно в порядке?

— В полном, — заверила я, но это была ложь, потому что я не была в порядке ни секунды с того момента, как увидела его светящиеся глаза, и теперь мой мир раскололся на «до» и «после», и между этими половинами зияла пропасть, заполненная туманом и шёпотом.

На ватных ногах я вышла из дома Моники Берн в ту же ночь, не прощаясь, не дожидаясь такси, и пошла пешком по

тёмным улицам Эмбервейла, сжимая в кулаке край платья, и думала о нём — о Коуле, о его поцелуе, о его глазах, о его странных словах, и я ненавидела себя за то, что не могу перестать думать, и ненавидела его за то, что он сделал это со мной, превратил мою уверенность в пепел, а вместо неё поселил во мне лихорадку, да к тому же украл мой первый поцелуй. Я отчаянно ненавидела его, внутри меня все бурлило и шипело, словно мои внутренности кинули на сковороду с раскаленным маслом, и это масло теперь бороздило мои вены, разжигая во мне ненависть и превращая мой разум в пепел.

Дома было темно, отец ещё не вернулся, и я, не раздеваясь, рухнула на кровать, уставившись в потолок, и губы всё ещё горели — его вкус, его запах, его шёпот.

«Ты вода», — повторила я вслух, и в пустой комнате эти слова прозвучали как заклинание, и где-то в лесу, в доме Бернов, Коул, наверное, смотрел на эти чертовы звезды.

Я закрыла глаза и провалилась в сон, где снова был туман, и золотые глаза, и чей-то голос, который шептал, только вместо «ты вода» я слышала «ты моя», и я проснулась в холодном поту, не понимая, где заканчивается реальность и начинается безумие.

За окном тихо существовал Эмбервейл, и в его шуме мне слышалось его имя.

Глава 5

Профессор Тэо Кассиан слишком молод для преподавателя элитной школы, по крайней мере, по моему скромному мнению. Не приложу ума, как ему хватает терпения не обращать внимания на большинство студентов, которые откровенно его не слушают. Но сейчас, когда он начал лекцию об огне, его голос обрёл ту особую глубину, которая бывает только у людей, рассказывающих не просто теорию, а то, во что они верят всей душой, и я, сидя на третьем ряду, чувствовала, как воздух в аудитории становится плотнее, тяжелее, будто само пространство внимало его словам с тем же трепетом, с каким племена внимают шаманам у костра.

— Огонь, — начал мистер Кассиан, и его палец, длинный и прямой, как у пианиста, указал на слайд, где пламя изображалось в виде распустившегося цветка, — изначально всегда чист. Это не метафора, не поэтическая вольность, а физический закон нашей природы. Огонь, который рождается в носителе, не знает зла, не знает корысти, не знает разрушения — он знает только жизнь и обновление. Но, как и всё в этом мире, он может быть осквернён.

Я зевнула, прикрыв рот ладонью, и тут же пожалела об этом, потому что взгляд мистера Кассиана на мгновение остановился на мне, и я увидела в его глазах лёгкое разочарование, будто я предала не просто его лекцию, а всю древ-

ную традицию, которую он пытался донести до нас. Я заставила себя выпрямиться, сделать вид, что внимательно слушаю, но в голове звучал совсем другой голос — голос Коула, его шёпот «ты вода», и я снова и снова прокручивала в памяти тот вечер, тот туман, тот поцелуй, который изменил всё и ничего одновременно.

— Существуют забытые ритуалы, — вырвал меня из мыслей голос профессора, и он понизил его до шепота, будто боялся, что стены услышат и передадут информацию тому, кому не следует знать, — с помощью которых огненных людей можно осквернить. Осквернить до такой степени, что их пламя перестанет быть чистым, станет тёмным, разрушающим, направленным не на созидание, а на уничтожение всего, что они любят.

Зоуи, которая сидела в первом ряду, подалась вперёд с таким видом, будто профессор только что предложил ей личную экскурсию в тайные библиотеки с древнегреческими архивами, и её рука взметнулась вверх так быстро, что я почему-то стала ненавидеть Зоуи еще сильнее.

— Профессор Кассиан, — сказала она, и её голос заполнил класс, а мой желудок сделал сальто, — но если эти ритуалы забыты, как мы можем знать, что они вообще существуют? Может быть, это просто легенда, которую передавали из поколения в поколение?

Мистер Кассиан посмотрел на неё с задумчивостью, которая словно прикидывал, насколько искренний ее интерес.

— Хороший вопрос, мисс Гоал, — сказал он, и в его голосе промелькнули нотки одобрения, от которых Зоуи буквально расцвела. — Но легенды не рождаются из пустоты. Есть мнение, что книга с этими ритуалами действительно существует. Её называют «Эсхатон», или «Книга Теней», и она, по слухам, хранится в одном из старых частных архивов Европы, возможно, в Швейцарии или даже в горах Трансильвании. Но подтверждённых данных о её существовании нет, и никому за всю историю не удалось провести ни один из описанных там ритуалов — либо потому, что книга недоступна, либо потому, что они действительно не работают.

— А если они работают? — не унималась Зоуи. Настоячивость в ее голосе граничила с одержимостью, а я уже физически реагировала на ее любопытство - меня откровенно начало тошнить. — Если кто-то найдёт эту книгу и проведёт ритуал? Что тогда будет с носителями огня?

— Тогда огненные люди, — ответил мистер Кассиан, и его голос упал почти до шёпота, — могут потерять себя. Стать теми, кого в древности называли «пепельными» — носителями, чьё пламя горит не в груди, а в голове, питаясь ненавистью и страхом, разрушая всё вокруг без разбора, и единственный способ остановить такого — это уничтожить его физически, потому что его душа уже мертва.

Аудитория затихла, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок, хотя в комнате было тепло от десятков тел и от того странного электричества, которое всегда возникает,

когда говорят о чем-то запретном и жутком. Я попыталась сосредоточиться, заставить свой мозг уловить суть лекции, но мысли снова ускользали в сторону, и я поймала себя на том, что рисую на полях тетради маленькие волны, которые превращаются в спирали, которые становятся туманом, и я не знала, почему рука выбрала именно этот узор, но он казался правильным, почти родным.

— А что насчёт других стихий? — не унималась Зоуи, и я почувствовала, как её взгляд скользнул в мою сторону, острый, оценивающий, как лезвие ножа, который ищет уязвимое место. — Может ли осквернение коснуться воды? Земли? Воздуха?

Мистер Кассиан покачал головой, и его очки блеснули в свете ламп, скрывая глаза.

— Легенды говорят только об огне, — сказал он. — Вода, земля и воздух считаются инертными в этом смысле. Их нельзя осквернить, потому что они уже являются частью цикла — вода очищает, земля принимает, воздух переносит. Но огонь... огонь пробуждается в душе, и именно поэтому он уязвим. И чтобы защитить его, первые огненные люди создали артефакты, инструменты, которые помогали хранить баланс. Одним из таких инструментов был компас со стрелкой из щепки от древка трезубца Посейдона. Как думаете, почему компас мог помочь не только носителям воды?

Я подняла голову, и моё сердце пропустило удар, потому что слово «вода» эхом отозвалось в моей груди, и я услышала

шёпот Коула снова, и я поняла, что это совпадение не может быть случайным.

— Потому что в деревне, где обитают представители темной воды, есть очищающие ворота? — спросила Зоуи, и ее глаза сверкнули, словно она только что сделала открытие, достойное Нобелевской премии.

- Отлично, мисс Гоал, высший балл за урок. - провозгласил профессор, и Зоуи зарделась, но все же расправила плечи и приподняла голову. Да она словно распухла от гордости! - Но, нет. Очищающие врата могут пройти только носители истинной темной воды, самой древней стихии, которая доступна водным людям. Но вы близки к правде - истинные представители темной воды обладают тайными знаниями, как и другие стихии. Их ритуалы направлены на сокрытие - они могут приглушить оскверненный огонь. Если бы мы сейчас рассуждали о медицине, то это сравнимо с ремиссией во время тяжелой болезни. Однако полностью избавиться от скверны может только сам носитель.

- Это возможно? Избавиться от скверны? - неожиданно спросил Коул. Мои брови поползли вверх от удивления, а по телу прокатилась волна мурашек. Черт. Теперь так будет всегда, когда я буду ощущать его присутствие?

— Если и возможно, — ответил мистер Кассиан, — то только в теории. В книгах и архивах, которые я изучал, есть только теоретические предположения. Практик, которые бы освобождали людей от скверны, я не встретил. Либо их не

записали, либо они есть только в манускриптах, которые разбросаны по всему миру и хранятся так, что простому профессору к ним нет доступа.

- А есть ли представители истинного огня, как представители истинной воды? - перехватила на себя внимание Зоуи. Она либо всерьез заинтересовалась этой темой, либо просто подогревала префессора, чтобы заработать высший балл для поступления в колледж. Меня мутило.

- Отличный вопрос. Я и совсем забыл вам рассказать, - смутился мистер Кассиан. - Есть версии, где может располагаться место обитания истинного огня? - задал он вопрос.

Я почувствовала, как кто-то коснулся моего плеча, и вздрогнула от неожиданности. Это была Терри, которая сидела рядом. Она быстро прошептала:

— Ты в порядке? Сидишь словно приведение. Бледная и отрешённая.

— Всё нормально, — ответила я, но мой голос прозвучал глухо, как будто доносился из другого измерения.

— Может быть, мисс Купер поделится с нами своими мыслями? — прогремел голос Зоуи, и я поняла, что она поймала момент, когда я отвлеклась, и не упустила возможности сделать мне больно. — Она так внимательно слушает, что я уверена — она уже нашла ответы на все вопросы.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица, и внутри закипела привычная злость, которая смешивалась с унижением, потому что я знала, что Зоуи права — я не слу-

шала, я витала в облаках, и мне нечего было сказать, кроме того, что я сама не понимала.

— Я просто пытаюсь усвоить материал, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это новая для меня тема.

— Новая? — переспросила Зоуи, и в её голосе прозвучало столько притворного удивления, что я чуть не застонала. — Но ты же посещаешь лекции, Корал. Тебе должно быть это близко, раз ты здесь.

Это был удар в самое больное место, так как учеба для меня значила буквально все, и я знала, что весь класс сейчас смотрит на меня — кто с любопытством, кто с жалостью, кто с едва скрываемым злорадством, — и я хотела провалиться сквозь землю, раствориться в том самом тумане, который преследовал меня в мыслях, но я заставила себя улыбнуться натянутой, деревянной улыбкой, которая должна была показать, что слова Зоуи не задевают меня.

— Кажется безобидная дискуссия перерастает в перепалку. Раз версий нет, то отвечу я, — перехватил инициативу профессор.

Зоуи хотела что-то добавить, но мистер Кассиан жестом остановил её, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение, обращённое ко мне.

— Для тех, кто только начинает осваивать древнегреческую мифологию и ее связь со стихиями, действительно все может выглядеть очень запутанно, — провозгласил он, обра-

щаяся ко мне. - Но вы все здесь не случайно. И каждый поймет мои лекции, когда наступит время.

Зоуи фыркнула и отвернулась, но я видела, как её плечи напряглись, и поняла, что она не простит мне этого маленького триумфа, даже такого ничтожного.

- Раз версий нет, - продолжил профессор, - то отвечу я. Хотя, ответ достаточно прост, если подумать логически. Итак, носители темного и неистового огня, по приданию, обитают в недрах вулкана. В отличие от водной стихии, поселение истинного огня очень похоже на обычный город, судя по историческим справкам - в нем проживают не только мужчины, но также женщины и дети. Зачем же тогда некоторые носители огня вышли на поверхность? А они, несомненно поднялись, иначе бы в нашем с вами мире не существовало огня, - мистер Кассиан сделал многозначительную паузу, когда он убедился, что в классе царит напряженная тишина, то с удовлетворением продолжил. - Внутри вулкана, в самом сердце Подземного Огня, их существованию угрожала страшная опасность - осквернение. - Зоуи открывала и закрывала рот, словно рыба на суше, но профессор поднял руку вверх, тем самым призывая ее к молчанию. - В закрытом, замкнутом мире под вулканом этот темный огонь мог стать проклятьем или болезнью. Почему? Потому что мужчины, женщины и дети проживали в одном пространстве. А, как всем известно, мужчина и женщина не могут существовать в абсолютном согласии. Так что огонь, который благословлял

души носителей, мог уничтожить их изнутри. Единственным спасением был прорыв на поверхность, в мир воды, земли, воздуха и света. Выйдя наружу, они не просто спаслись, но и стали хранителями очищающего пламени. Они подарили людям огонь не как разрушительную стихию, а как источник жизни, тепла и света. Этот огонь был чист и нес благо, а не проклятие. Таким образом, их выход был одновременно побегом от тьмы и миссией света - переходом из мира, где их сущность могли осквернить, в мир, где они могли стать его защитниками и наставниками. Однако вышли не все. Те, кто остался, пошли на добровольную жертву - вместе с собой они сокрыли проход в кузницу Гефеста, Бога - носителя истинного огня. Ключ от Врат кузни был передан ушедшим на поверхность носителям, чтобы у оставшихся не было соблазна попасть в кузницу и получить огромную огненную силу, сравнимую по мощи с силой самого Гефеста. Считается, что каждое новое поколение огненных носителей передает ключ от одной семьи к другой, не задерживаясь в одних руках дольше одного столетия. Право на сокрытие ключа имеют только семьи - прямые потомки носителей истинного огня.

В классе воцарилась тишина. Зоуи заворуженно таращи-лась на профессора, остальные слушатели в поле моей види-мости выглядели обычно. Хотя, надо признать, сказка очень интересная.

После лекции я вышла из аудитории, чувствуя, как в груди

разливается нарастающее чувство тревоги, и направилась к выходу, но у самой двери меня догнала Зоуи.

— Слушай, Купер, — сказала она, и её голос почти дрожал от едва сдерживаемой злости, — я не знаю, что ты задумала, но учти: я за тобой слежу. Ты не из наших, ты никогда не станешь нашей, и чем быстрее ты это поймёшь, тем лучше для тебя.

— Я так расстроена, что не могу попасть в вашу тусовку, — ответила я, закатив глаза и выказывая внешнее безразличие, хотя внутри всё сжималось от страха, который я не могла объяснить.

— Лгунья, — прошипела она, и её глаза вспыхнули странным, почти звериным огнём. — Я вижу тебя насквозь. Даже не мечтай, я не позволю тебе сближаться с кем-либо из нас, особенно с Коулом. Мышам не место среди львов.

Она развернулась и ушла, оставив меня стоять посреди пустого коридора, и я чувствовала, как дрожат руки, как сердце грохочет в ушах.

Вечером, когда я вернулась домой, отец стоял в гостиной и листал какие-то бумаги, его очки сползли на кончик носа, а в руке он держал чашку с остывшим чаем, и при виде меня он поднял голову и посмотрел так, будто видел меня впервые за долгие месяцы.

— Корал, — сказал он, и его голос был усталым, но мягче, чем обычно, — я хотел поговорить с тобой.

Я остановилась на пороге, готовясь к очередному выго-

вору о том, что я слишком поздно прихожу, слишком мало учусь, слишком много сижу в телефоне, но что-то в его интонации заставило меня задержаться.

— Я заметил, — продолжал он, и его глаза скользнули по моему лицу, как будто он искал там что-то, — что ты стала реже бывать дома. Ты почти не делаешь уроки, не сидишь над книгами вечерами, как раньше. Я надеялся, что в Квартексе у тебя будет больше мотивации, но, кажется, ты отвлекаешься на другие вещи.

Я сжала пальцы в кулаки, готовясь защищаться, но вместо этого услышала собственный голос, который, к моему удивлению, звучал спокойно и уверенно:

— Я посещаю курсы профессора Кассиана. Факультатив по древнегреческой истории. Это не обязательный предмет, но мне кажется, что он помогает мне лучше понять мир вокруг. А также он дает дополнительные баллы при поступлении в колледж.

Отец замер, и его рука с чашкой остановилась на полпути ко рту. Он смотрел на меня с таким выражением, которого я никогда раньше не видела, потому не могла понять, о чем он думает.

— Курсы Кассиана? — переспросил он, и в его голосе прозвучала нотка, которую я никогда не слышала, когда речь шла о моих занятиях. — Ты ходишь на факультатив Тэо?

— Да, — запнулась я, и мне показалось, что я должна добавить что-то ещё, чтобы оправдать свой выбор, но слова не

шли, и я просто стояла и ждала его реакции.

Он поставил чашку на стол, снял очки и посмотрел на меня так, словно я принесла домой докторскую диссертацию, и отца распирает гордость за меня.

— Корал, — сказал он, и его голос дрогнул, — это... это замечательно. Ты даже не представляешь, насколько это важно. Тэо — лучший специалист по древним стихиям в стране. Он знает такие вещи, которые не найти в учебниках, и если он согласился взять тебя на свои курсы, значит, он видит в тебе потенциал.

— Но ты всегда говорил, что факультативы — это пустая трата времени, — сказала я, и в моём голосе прозвучало то самое детское упрямство, которое я не могла побороть. — Что я должна думать только об учёбе и больше ни о чём.

Отец тяжело вздохнул и опустился в кресло, жестом приглашая меня сесть напротив, и я подчинилась, чувствуя, как между нами натягивается нить, которая была ослаблена с уходом мамы.

— Я говорил так, потому что боялся, — признался он, и его голос стал тихим. — Боялся, что ты потеряешься, как потерялась твоя мать. Что ты увлечёшься чем-то, что сломает тебя. Но Тэо — это другое. Я очень давно его знаю, и более того, мы учились вместе. Знакомство с ним когда-то изменило мою жизнь в лучшую сторону.

Я смотрела на него и видела человека, которого никогда не знала — уставшего, напуганного, но готового довериться,

хотя это давалось ему с огромным трудом.

— Ты никогда не рассказывал мне, что учился вместе с мистером Кассианом, — сказала я, и в моём голосе прозвучало удивление, смешанное с обидой, потому что он скрывал от меня такую важную часть своей жизни.

— Не всё нужно рассказывать, Корал, — ответил папа, и в его глазах промелькнула та старая, знакомая боль, которую он прятал за работой и молчанием. — Но если ты решила пойти по этому пути, я не буду тебя останавливать. Я даже рад. Рад, что ты начинаешь искать знания о мире.

Я поднялась, чувствуя, как внутри поднимается что-то тёплое, почти родное, и на секунду мне захотелось подойти к нему и обнять, но я сдержалась, потому что мы не были такими, мы не умели выражать чувства простыми прикосновениями, и вместо этого я просто сказала:

— Спасибо, пап.

Папа коротко кивнул, но в этом кивке было столько всего, что я поняла — мы начинаем новый разговор, и, возможно, этот разговор приведёт нас туда, где мы сможем понять друг друга.

Я поднялась наверх, в свою комнату. Веки налились усталостью, вся тяжесть учебы свалилась на меня, как только я переступила порог своей комнаты. А когда я закрыла дверь, я слышала, как где-то в лесу, за окном, зашумел ветер, и мне показалось, что в этом шуме я слышу голос Коула, который шепчет снова и снова: «Ты вода... ты вода...», и я поня-

ла, что от этого шёпота мне не скрыться, и что, возможно, я и не хочу скрываться, потому что в этом шёпоте было что-то большее, чем просто случайность, — и я была готова узнать, что именно.

Глава 6

Я еще не успела отойти от вечеринки, на которой произошла кража моего первого поцелуя, как школу поглотила новая болезнь - осенний бал. Разговоры об этом, по всей видимости, грандиозном событии, словно вирус, передавались воздушно-капельным путем. Бесконечные перешептывания о прическах, платьях, лимузинах и прочей ерунде меня просто выматывали. На мой взгляд нужно быть полным глупцом, чтобы пытаться удивить людей, которые имеют все с самого рождения. Я чувствовала себя потрепанной белой вороной в питомнике с черными - холеными и блестящими. Печально это осознавать, но, видимо, от этого вируса лекарство еще не изобрели, хотя я с превеликим удовольствием была готова его распылить над всей школой.

Даже Зик, пребывающий обычно в непоколебимом спокойствии, всю неделю выглядел слегка возбужденным, что меня удивляло и раздражало одновременно, так как я надеялась, что хотя бы он будет вести себя как нормальный человек. Но все мои надежды рассыпались в прах прямо сейчас, на большой перемене, посреди очереди в столовой, где собралась, кажется, вся школа, он выкрикнул мне в лицо:

- Пошли со мной на бал!

От неожиданности я замерла и чуть не выронила свой поднос. Я вообще не собираюсь идти на этот чертов бал. Неде-

лю назад папа ясно дал мне понять, что кроме уроков и факультатива он ничего не одобряет. Так, впрочем, было всю мою жизнь. Конечно, его позиция относительно моей учебы не уберегла мою голову от назойливых мыслей о вечеринке в доме Бернов. Я почувствовала предательское покалывание по всему телу, и это могло означать только одно - ОН где-то рядом. Вероятно, он даже слышал, о чем меня спросил Зик. Не могу сказать, что мне не было приятно получить приглашение от одного из самых красивых парней Квартекса, но, скорее всего, оно поступило из жалости. От этого становилось еще противнее, так как на меня итак уже пялилась вся школа. Я просто прекрасно справляюсь с тем, чтобы быть невидимкой.

- Ты из ума выжил? - я почти прошипела, - Я не пойду.

- Почему? - спросил Зик, уставившись на меня своими потрясающими изумрудными глазами с таким видом, словно я предложила ему спрятать труп.

- Ей папочка не разрешает, - протянул неизвестно откуда появившийся Коул, а мой желудок сделал сальто от неожиданности.

Я обернулась и увидела, что за моей спиной стоит Зоуи с мерзкой улыбкой на лице, крепко сжимая в своей хищной лапе плечо Коула, который со скучающим видом в упор смотрел на Зика.

Зик моргнул, переведя взгляд с Коула на меня и обратно, и я увидела, как его лицо тронула тень раздражения, которую

он поспешил спрятать за привычной маской добродушия, но я знала его уже достаточно хорошо, чтобы заметить, как напряглись его плечи и как пальцы сжали край подноса чуть сильнее, чем обычно.

— Я не спрашивал твоего разрешения, Берн, — сказал Зик, и его голос был ровным, почти спокойным, но в нем проскользила сталь, которая появлялась только тогда, когда он чувствовал, что вынужден обороняться, — я спросил Корал.

— И, кажется, она ответила на твой вопрос, — протянул Коул и усмехнулся. Его рука, которую Зоуи так собственнически сжимала, слегка дрогнула, но он не отстранился, — она сказала, что не пойдёт. Ты глухой? Тебе нужен перевод на языке жестов?

— Берни, прекрати, — вмешалась Зоуи, и ее голос был просто переполнен искусственной мягкостью, которая была хуже любых оскорблений, потому что я знала — она играет, она всегда играет, и эта игра была направлена против меня, — ты же видишь, что они смущаются. Оставь их в покое.

Зоуи потянула его за руку, и Коул позволил увести себя, но перед тем как отвернуться, его взгляд на секунду задержался на мне, и в этом взгляде было сплошное презрение, а может быть, мне просто показалось, потому что моё сердце билось так громко, что заглушало все остальные звуки.

— Какого черта они к тебе лезут? — спросил Зик, когда они отошли, и его голос был напряжённым, почти обижен-

ным, и я поняла, что он чувствовал себя так же неловко, как и я, потому что Коул одним своим присутствием словно заставлял окружающих становиться меньше.

— Не обращай внимания, — ответила я, чувствуя, как предательская дрожь пробегает по рукам, и я поставила поднос на стойку, потому что внезапно потеряла всякий аппетит, — они просто... черт, я ненавижу его.

— Коул не всегда такой, — Зик покачал головой, и его изумрудные глаза потемнели, — Он смотрел на тебя так, будто ты... я не знаю. Будто ты убила его в прошлой жизни. Не поверю, что его так задевают твои безобидные ответы на его нападки.

Я хотела ответить, но слова застряли в горле, потому что я вдруг поняла, что Зик прав — Коул действительно смотрел на меня так, будто я была его личным врагом, и при этом его глаза горели тем самым странным светом, который я видела в парке, и на вечеринке, и каждый раз, когда наши взгляды пересекались, этот свет становился ярче, и я не знала, что это значило. Казалось, я просто сходила с ума.

Остаток недели прошёл в каком-то тумане.

Разговоры об осеннем бале становились всё громче и навязчивее, как мухи, которые кружат над головой в жаркий летний день, и я с ужасом понимала, что не могу спрятаться от них даже в библиотеке, где обычно было тихо и спокойно, потому что теперь даже там девушки шептались о платьях и причёсках, а парни обсуждали, кто с кем пойдёт и кто кого

пригласит, и вся эта суэта казалась мне такой мелкой, такой незначительной, особенно на фоне всего, что происходило у меня внутри.

Я сидела на подоконнике в пустом коридоре, пытаюсь читать книгу по истории стихий, которую дал мне мистер Кассиан, чтобы подтянуть свои знания перед следующим занятием, когда передо мной возникла Айтерия — высокая, грациозная, с идеально уложенными волосами и уверенной улыбкой, от которой у меня всегда начинала болеть голова, потому что я знала — за этой улыбкой скрывалась та же стальная хватка, что и у Зоуи, только вот мотивы у этой хватки были совсем иные.

— Корал, — сказала она настоичиво, — я знаю, что ты не хочешь идти на бал. Ты думаешь, что я не замечаю, как ты морщишься каждый раз, когда кто-то говорит об этом, - я попыталась возразить, но Терри подняла ладонь вверх, призывая к молчанию. - В общем, мы идем на бал, и возражения не принимаются.

— Это ещё почему? — спросила я, закрывая книгу и чувствуя, как внутри поднимается знакомая волна упрямства, которая всегда помогала мне держаться на плаву, когда весь мир пытался утопить меня.

— Потому что я так решила, — ответила Айтерия, и в её голосе не было ни капли сомнения, — Твой отец согласен, на счет него не переживай, - она громко вздохнула.

Я замерла, книга выпала из моих рук, глухо стукнувшись

о пол. Чего я не ожидала услышать, так это того, что Терри уговорила моего отца отпустить меня на вечеринку.

— Ты говорила с моим папой? — переспросила я, чувствуя, как кровь отливает от лица, и внутри поднимается паника, смешанная с яростью. — Зачем? С чего ты вообще взяла, что я хочу идти на этот проклятый бал?

— Кора, я знаю, что ты не хочешь, но пойми ты уже наконец, что это важно, — Айтерия шагнула ближе с серьезным выражением лица, а глаза светились дружеской заботой, и в этот момент она не была похожа на ту надменную красавицу, которую я привыкла видеть в коридорах Квартекса, — хватит прятаться. Ты прячешься от себя, от мира, от всего, что происходит вокруг. И это не твоя вина — я знаю, что такое расти с отцом, который видит в тебе только свой проект, а не человека. Но ты не можешь позволять другим решать, какую жизнь тебе прожить.

- Тебе не кажется, что ты сама только что решила за меня, что я хочу пойти на бал? - я в изумлении подняла брови.

- Нет, потому что ты сама не понимаешь, чего хочешь, - Терри выдохнула и понизила голос до шепота. - Послушай... В тебе скрыта просто невероятная сила, я это вижу. Ты просто не имеешь никакого права прятаться за маской жертвы. Ты идешь, Кора, и ты покажешь всем, кто ты такая на самом деле.

- Ладно, - неуверенно протянула я, - но зачем мне это? Что может быть глупее попытки объяснять идиотам их же

идиотизм, когда они в нем так безмятежно счастливы? Те, кто меня не видит - пусть и дальше остаются в блаженном неведении, тем более оно им к лицу.

- Вот именно! Ты сияешь, но не для всех, и именно это тебя ограничивает. Просто... - Терри облизнула пересохшие губы, - Просто доверься мне, ладно? Тебе нужно пойти.

Она замолчала, и в тишине коридора я слышала только своё дыхание. Хотя я была категорически с ней не согласна, мой внутренний голос подсказывал, что Терри права.

— Ты правда говорила с отцом? — спросила я, едва сдерживая смех. - Это было смело.

— Я позвонила ему вчера вечером, — кивнула Айтерия, и в её голосе мелькнула едва заметная гордость, — и сказала, что осенний бал — это важное событие для адаптации в школе, что твоё присутствие необходимо для социальной интеграции, и что я лично прослежу, чтобы ты не попала в неприятности. Он был недоволен, но согласился.

Я уставилась на неё, чувствуя, как внутри смешиваются благодарность и злость, потому что она сделала то, на что я не решалась годами, и это было освобождением и унижением одновременно.

— Даже не знаю, благодарить тебя или ненавидеть, — призналась я. Она усмехнулась.

— Ты можешь сделать и то, и другое, — ответила она, — но сначала надень платье и приди на бал. Завтра. В семь. Я заеду за тобой.

Терри развернулась и ушла, оставив меня сидеть на подоконнике с чувством, что моя жизнь снова выходит из-под контроля, и что в этом хаосе я не знаю, за что цепляться.

Следующий вечер наступил быстрее, чем я ожидала.

Терри приехала за мной на черном лимузине с затемнёнными стёклами, я забрабралась в салон и увидела свою жизнерадостную... подругу. Думаю, она заслуживает права стать моей подругой, в отличие от меня.

- Привет, - выдавила я и попыталась изобразить улыбку.

- Готова оттянуться? - воскликнула Терри и протянула мне бокал с непонятной жидкостью.

- Что это? - я вопросительно подняла бровь.

- Лекарство от напряжения, - подмигнула Терри и осушила свой бокал за пару глотков.

Я постаралась уловить аромат напитка, который плескался в моем бокале. В нос ударил запах алкоголя и фруктов.

- Я не буду, прости, - сказала я и поставила бокал на столик в салоне.

- Черт, Кора... Ты вообще умеешь отдыхать? - возмущенно спросила Терри.

Хороший вопрос. Более того, я не знаю, как на него ответить. Для меня отдых заключается в хорошем сне без будильника, чтении, прогулке по городу в солнечный день или поездка на пляж. Одно то, что я сижу в лимузине вечером, в платье, которое облегает меня настолько, что я могу дышать через раз, в чертовски неудобных туфлях, а на моем

лице просто тонна косметики и голова чешется от количества шпилек, которые удерживают мою прическу, меня доводит просто до истерики. А мы еще даже не приехали на этот грандиозный, мать его, бал, где толпы обезумевших подростков пытаюсь помериться... известно чем. Чем больше я об этом думаю, тем ближе подкрадывается приступ паники.

- О Господи... - выдохнула Терри, - ты впервые идешь на бал, не так ли?

- Да, - выдавила я и улыбнулась.

- Клянусь, тебе понравится! - воскликнула Терри и начала воодушевленно вводить меня в мир балов.

Треклятых пятнадцать минут она трепалась о том, что мне не нужно паниковать, когда меня пригласят на танец. А меня обязательно пригласят, потому что я выгляжу просто потрясно, опять же, по ее мнению. В конце своей мучительной тирады она выдала:

- Кстати, рекомендую следить за своим бокалом, а то в прошлом году... - начала она и осеклась.

- Что было в прошлом году?

- Неважно, забудь. Просто попытайся расслабиться и хорошо провести время. - Терри подмигнула мне и начала выбираться из лимузина со своими тысячами оборок на платье.

Я так нервничала, что даже не обратила внимание на ее наряд. Когда она встала на ковровую дорожку, я по достоинству смогла оценить ее наряд - платье небесно-голубого цвета, настолько воздушное, что казалось, если Терри сделает

хоть шаг - она взлетит. Зрелище просто потрясающее. Пора признать, что одеваться она умеет.

Поспешно выравшись следом за нею, я посеменила в балльный зал, где уже собралась вся школа. Когда мы вошли, разговоры стихли на секунду, и я почувствовала, как десятки взглядов скользят по моей фигуре, оценивая, сравнивая, и я сжала клатч так сильно, что ногти впились в ладонь, но не остановилась, потому что Зик уже шёл ко мне, и его лицо сияло той искренней радостью, которую я не видела уже несколько дней.

— Ты пришла, — сказал он, его голос был тихим, и он протянул мне руку, приглашая присоединиться к нему, — я уже думал, что ты струсила.

— Я не зотела идти, — честно призналась я, — но Айте-рия не дала мне выбора.

— И слава Богу, — ответил Зик и его глаза скользнули по моему платью, — ты выглядишь... невероятно.

Мы прошли в центр зала, и я чувствовала, как взгляды парней приклеиваются ко мне, как они обсуждают что-то шепотом, и я делала вид, что не замечаю, но заметила, как Коул, стоящий у барной стойки с бокалом в руке, вдруг замер и его взгляд, острый, прожигающий, уставился на меня с такой нетерпимостью, что у меня перехватило дыхание.

Он стоял рядом с Зоуи, которая что-то говорила ему, улыбаясь, но он не слушал — он смотрел на меня, и в его глазах горел тот самый странный свет, который я видела так часто,

и который пугал меня и притягивал одновременно, и я отвернулась, потому что не могла выдержать этого взгляда, не могла позволить себе думать о том, что он означал.

Бал начался с вальса.

Зик пригласил меня, мы кружились по залу, его рука была тёплой и надёжной, а я старалась не смотреть в сторону Коула, который, как я знала, танцевал с Зоуи. В какой-то момент я разозлилась сама на себя оттого, что танцую с невероятным парнем вальс, ни разуме сбившись с ритма, а мои мысли все время относили меня к Коулу Берну. Это просто невероятно, как этот подонок децствует на меня.

Но когда я случайно встретила с Коулом взглядом через плечо Зоуи, я увидела, что он смотрит на меня, и его глаза не отрываются от моего лица, даже когда Зоуи говорит ему что-то, даже когда музыка меняет ритм, и в этом взгляде было что-то такое, от чего мои колени подкашивались, и я чуть не споткнулась, но Зик поддержал меня, и я снова сосредоточилась на нём, потому что иначе я бы упала.

Время потеряло значение, мне было весело в компании Зика и Терри, которая периодически к нам присоединялась. В груди разлилось странное тепло от близости этих двоих, на миг я даже подумала, что мне и правда здорово в этой школе и с этими людьми. Но вот настал момент оглашения результатов голоования за короля и королеву бала. Я впервые присутствую на таком торжестве, ранее я только читала в книгах, как все происходит.

- Дорогие друзья, - объявила незнакомая мне девушка, - рада объявить вам результаты голосования. Королевой бала становится... - она выдержала драматическую паузу, - Зоуи Гоал!

Зал взорвался аплодисментами. Зоуи вошла на сцену, и её платье — алое, облегающее, с глубоким вырезом — сияло в свете софитов, и её улыбка была такой уверенной, такой победной, что я почувствовала, как внутри закипает старая злость, смешанная с беспомощностью, потому что где то глубоко внутри я знала — она победит, она всегда побеждает, и ничего не изменится.

- И королем бала становится...- опять эта многозначительная пауза, но я уже знала, что скажет эта девушка, - Коул Берн!

Зал снова взорвался аплодисментами, Коул поднялся на сцену, небрежно поправив пиджак и одарив толпу той ленивой, снисходительной улыбкой, которая делала его одновременно притягательным и недостижимым, и я смотрела на него и чувствовала, как что-то внутри меня сжимается в тугой узел, потому что он был так красив, так идеален, и так испорчен, что в это даже не верилось. Как человек, имея такую идеальную оболочку, может быть настолько пуст?

Зал восторженно ревел, Зоуи взяла Коула под руку, и их пара выглядела идеальной, как картинка из журнала, и я отвернулась, чтобы не видеть, потому что внутри меня что-то рвалось от боли, которую я не хотела признавать.

— Друзья, — сказала Зоуи, и её голос стал заговорщицким, почти сладким, — я предлагаю вспомнить, как мы танцевали с Коулом в прошлом году. Я приготовила небольшую подборку видео. Надеюсь, вам понравится.

Она щёлкнула пультом, и на большом экране за её спиной должны были появиться кадры прошлогоднего бала, но вместо этого там возникло что-то другое — мои фотографии.

Я не сразу поняла, что это я.

На первой фотографии я стояла в очках с толстыми линзами, с брекетами на зубах, и мои волосы были нечёсаными, а лицо — угреватым, и я была полнее, чем сейчас, и весь этот образ был таким далёким от того, кем я стала, что на секунду я подумала — это не я, это ошибка, это кто-то другой.

Но потом пошли новые фотографии: я в школе, я в летнем лагере, я с мамой, улыбающаяся и не знающая, что эти снимки когда-нибудь станут орудием, направленным против меня, и я услышала, как кто-то захихикал, а потом смех покотился по залу, как снежный ком, который растёт и растёт, погребая всё на своём пути.

— Да это же Купер! — крикнул кто-то из толпы, и смех стал громче, и я чувствовала, как тысячи игл вбиваются в мою кожу, как жар заливает лицо, и как мир сужается до этой одной точки — экрана, на котором моя прошлая жизнь была выставлена на всеобщий суд.

— Господи, она же была страхолюдиной, — сказал кто-то ещё, и я узнала голос одной из подруг Зоуи, — как она

вообще попала в Квартекс?

— Я же говорил, что она не из нашего круга, — донёсся голос откуда-то слева, и ещё один смешок, и я хотела провалиться сквозь землю, раствориться в этом унижении, потому что даже Айтерия, которая стояла рядом, растерянно смотрела на экран, и её лицо было белым, как мел.

И в тот момент, когда я уже хотела развернуться и бежать, проектор заискрился.

Сначала я подумала, что это просто помехи, но искры становились всё ярче, и через секунду проектор вспыхнул ослепительным огнём, и все изображения исчезли, оставив после себя только запах горелого пластика.

Зал затих.

Зоуи обернулась, её лицо было напряжённым, и она перевела взгляд с проектора на Коула, который стоял неподвижно, с тем же невозмутимым выражением, и его руки были опущены, а глаза — полузакрыты, как будто он дремал стоя.

— Что это было? — спросила Зоуи, и её голос дрогнул, и в нём впервые прозвучало что-то похожее на страх, который она пыталась скрыть за гневом.

— Техника, — пожал плечами Коул, и его голос был ровным, почти скучающим, — с ней такое бывает. Старый проектор, перегрузка, и всё такое.

— Но ты ведь... — начала Зоуи, и её глаза сузились, и я увидела, как она сжимает край своего платья так сильно, что костяшки побелели, но Коул перебил её, и его голос был

спокойным, как ледяная вода.

— Я ничего не делал, Зоуи. С техникой действительно такое бывает. Особенно когда она долго работает без перерыва.

Я смотрела на него, чувствуя, как в груди поднимается странное тепло, которое не имело никакого отношения к унижению, которое я только что пережила, и я понимала, что он сделал это — он каким-то образом уничтожил проектор, чтобы спасти меня от позора, и я не знала, зачем он это сделал, потому что он ненавидел меня, он всегда давал мне это понять, и его поступок был нелогичен и непонятен.

Я развернулась и побежала.

Я слышала, как меня кто-то зовёт, не видела лиц, которые мелькали перед глазами, когда я пробивалась сквозь толпу к выходу, и только холодный ночной воздух ударил в лицо, когда я выбежала на крыльцо, я остановилась, переводя дыхание, и слёзы, которые я сдерживала всю свою жизнь, наконец прорвались наружу, горячие и солёные, я плакала в темноте, чувствуя, как рушится всё, что я строила вокруг себя.

— Корал! — голос Зика догнал меня, когда я уже спускалась по ступеням, и он бежал ко мне, его лицо было взволнованным, а глаза — тревожными, и он схватил меня за плечи, заставляя остановиться. — Корал, подожди. Не уходи так. Давай я отвезу тебя домой.

Я посмотрела на него сквозь слёзы, и в его глазах было столько искренности, что мне стало ещё больнее, потому что

я не заслуживала этого — его заботы, его тепла, его желания помочь, — я была никем, просто девочкой, которую все считают слабой, и его доброта была для меня невыносимой.

— Нет, Зик, — сказала я, и мой голос дрожал, но я пыталась говорить твёрдо, — не нужно. Папа не хочет, чтобы я общалась с парнями. И ты... ты не должен влезать в мои проблемы. Спасибо, но я справлюсь сама.

Он хотел возразить, но я развернулась и зашагала прочь, а он не стал меня преследовать, за что я была ему благодарна, потому что если бы он продолжил настаивать, я бы сломалась окончательно, и он увидел бы то, что я так старательно прятала ото всех — свою слабость, свою боль, свою пустоту.

Я шла пешком до самого дома, ночь была холодной, а ветер пронизывал платье насквозь. Меня трясло, но я не чувствовала холода, потому что внутри меня горело что-то, что не имело имени и не поддавалось контролю, и я думала о Коуле, о том, как он смотрел на меня, о том, как он уничтожил проектор, и я не понимала, что это было — жалость, желание унижить меня ещё больше или что-то, о чём я боялась даже думать.

Когда я подошла к дому, я увидела, что на крыльце кто-то сидит.

Сначала мне показалось, что это отец, и я хотела пробежать мимо, чтобы он не заметил моих слёз и моего состояния, но потом я разглядела фигуру в темноте, и моё сердце пропустило удар, потому что это был чертов Коул Берн.

Он сидел на ступеньках, подтянув колени к груди, и его лицо было скрыто тенью, но я знала, что это он, потому что я могла бы узнать его силуэт среди тысячи других, и я остановилась, чувствуя, как внутри поднимается смесь гнева и растерянности, которую я не могла контролировать.

— Ты заблудился? — спросила я, и мой голос был резче, чем я планировала, потому что я не хотела, чтобы он видел меня такой — растрёпанной, заплаканной и сломленной, но он уже видел, и он сидел здесь, на моём крыльце, как призрак, преследующий меня даже в тот момент, когда я мечтала исчезнуть.

Коул поднял голову, его глаза блеснули в темноте, и я увидела в них не то сожаление, не то насмешку. Я не могла разгадать этого парня, как бы не старалась.

— Я пришёл убедиться, что ты добралась до дома, — хрипло ответил Коул.

Это было так не похоже на него, что я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло, и я хотела, чтобы он ушёл, чтобы он оставил меня в покое, но в то же время я хотела, чтобы он остался. Я прогнала непрошенные мысли.

— Я в порядке, — соврала я, и мой голос дрогнул, выдавая меня, — ты можешь убираться отсюда. Мне не нужна твоя помощь. Мне не нужно, чтобы ты делал вид, что тебе не всё равно.

— Как скажешь, — ответил он, и его голос стал чуть твёрже, он поднялся с крыльца и теперь стоял передо мной,

огромный и грозный, а я чувствовала его запах — коры после дождя и озона, — но я не пытаюсь казаться тем, кем не являюсь. Ты уже должна была это понять.

— Тогда зачем ты это сделал? — спросила я, и слёзы снова подступили к глазам. Я не могла их сдержать, потому что он стоял так близко, а я была так уязвима, и я ненавидела его за то, что он видел меня в этом состоянии. — Как ты уничтожил проектор? Зачем ты вмешался? Ты ненавидишь меня, ты всегда давал мне это понять. Так зачем тебе это?

Он замолчал, и в темноте я видела, как его челюсти сжимаются, как он борется с чем-то внутри себя, и на секунду мне показалось, что он скажет что-то важное, что-то, что изменит всё между нами, но вместо этого он просто сказал:

— А ты не помнишь?

Эти слова упали в тишину, как камень в воду, разрывая поверхность на тысячи мелких кругов, и я замерла, чувствуя, как мир снова ускользает из-под ног, потому что я не понимала, что он имеет в виду, но что-то в его голосе говорило мне, что это важно.

— Что я должна помнить? — спросила я, и мой голос был тихим, почти шёпотом, потому что я боялась ответа, который мог изменить всё.

Коул сделал шаг, я почувствовала его дыхание на своей коже, и его глаза горели тем странным золотым светом, который я видела в ту ночь в парке, на вечеринке, и который теперь преследовал меня даже в моих снах.

— Ты и правда не помнишь, — горько усмехнулся он.

— Не помню, — согласилась я, и чувствовала, как слёзы текут по щекам, но на этот раз это были слёзы не стыда, а растерянности, потому что я хотела понять, я хотела знать, что связывает нас, и в то же время я боялась так, как не боялась ничего в своей жизни.

Коул смотрел на меня долгую, мучительную секунду, и в его взгляде было столько всего — и гнев, и боль, и что-то похожее на отчаяние, — а потом он шагнул назад, и тень снова скрыла его лицо, а его голос, когда он заговорил, был холодным и далёким, как голос с того берега.

— Тогда не важно, — сказал он. — Иди домой, Корал. Спи. Завтра всё будет по-другому.

Он развернулся и пошёл в темноту, оставляя меня одну на крыльце в полном замешательстве. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри меня закипает странное, болезненное тепло, которое не имело названия, и как слова «ты не помнишь» кружатся в моей голове снова и снова, оставляя после себя только пустоту и вопросы, на которые у меня не было ответов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.